

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-045

ПОСЛЕДНЯЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ «НОРМАНА»

М.Е. Болтунов

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Михаил Ефимович Болтунов
Последняя спецоперация «Нормана»
Серия «Гриф секретности снят»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17108110
Последняя спецоперация «Нормана» / Болтунов М.Е.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7972-8

Аннотация

Эта книга о людях того великого поколения, которое освободило Европу от фашистского ига, заплатив за это десятками миллионов жизней своих лучших сыновей и дочерей. Нам есть чему поучиться у них. Особенно сейчас. Страшный удар фашистской машины выдержали, остановили и обратили вспять. Только вот жаль, что за прошедшие десятилетия мы так и не смогли до конца понять, каким образом выросло и окрепло на нашей земле поистине могучее поколение победителей. А сегодня ох как важно разобраться в этом вопросе. Ибо завтра может быть поздно...

Содержание

От автора	4
А мы, брат, из разведки	5
Поединок со злыми духами пустыни Гоби	10
«Без связи мы ноль...»	15
Секретное оружие «топтунов»	20
В центре мирового шпионажа	25
«Я всегда за твоей спиной»...	30
Тюрьма в стране тюльпанов	36
«Обвиняетесь в шпионаже...»	40
За мужество и стойкость	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Болтунов

Последняя спецоперация «Нормана»

От автора

Дорогие друзья!

Далек тот майский день победы. Великой Победы! Семь десятилетий – это не семь верст, даже по фронтовым дорогам.

Часто думаю о людях того фронтового поколения. Как это случилось? Как произошло? Страшный удар фашистской машины выдержали, остановили и обратили вспять. Только вот жаль, за эти десятилетия так и не смогли понять, каким образом выросло и окрепло на нашей земле поистине могучее поколение победителей. А сегодня ох как важно разобраться в этом вопросе. Ибо завтра может быть поздно.

Оглянитесь вокруг, отбросьте пустую болтовню и пропагандистский раж. Вглядитесь в лица тех, кто ныне скалит зубы на нас, душит санкциями, угрожает. Кем они были 70 лет назад? За редким исключением, пылью у фашистских сапог.

Да, это мы освободили Европу от фашистского ига, заплатив десятками миллионов жизней своих лучших сыновей и дочерей за то, чтобы им жилось сладко и счастливо. Помнят ли они об этом? Увы, они не очень-то желают вспоминать. Потому годами, десятилетиями, с упорством, достойным лучшего применения, перекраивают и перекрашивают историю. Так, черное становится белым, а фашистские прихвостни в соседних государствах – героями. «Слава героям!» – орут молодые националисты с пеной у рта.

Что это? Почему через 70 лет история завершает свой очередной виток именно так? Тогда, в 1945-м, мы победили фашизм. Но сейчас 2015-й, и фашизм наступает. Сам он не остановится. Но как не хочется верить в реальность новой войны. Не верьте, ваше право. Только не забывайте, в 1914-м мало кто в нее верил, да и в 1941-м тоже.

Эта книга – о людях того великого поколения, которое остановило и разгромило фашизм. Мне кажется, нам есть чему поучиться у них. Особенно сейчас.

С уважением, автор.

А мы, брат, из разведки

Поезд устало замедлил ход, жалобно заскрипел тормозами. Лязгнули сцепки вагонов, и лязг этот, словно тревожный звонок, побежал от головы эшелона к хвосту, извещая пассажиров об остановке.

Краснолицый, крупный мужик скатился с верхней полки и, протирая заспанные глаза, бросился к вагонному окну.

– Знать, приехали? Куйбышев?

– Да нет, – остановил его молодой парень в кургузой, поношенной вельветовой курточке, – какой-то полустанок.

В вагоне установилась тишина, пассажиры слышали, как хлопнула входная дверь. Мужской осипший голос поздоровался с проводницей, представился:

– Комендантский патруль. Проверка документов.

Краснолицый достал из-под полки мешок, развязал затянутый узел, вытащил документы, бережно завернутые в газетку. Парень в вельветовке запустил за пазуху руку, отыскивая паспорт. И только молчаливый пассажир на второй полке не шелохнулся. Наверное, спал.

Патруль – молодой лейтенант, еще в новой, по-видимому, недавно выданной гимнастерке, с кобурой на боку, и два солдата с винтовками – шел по вагону. Им протягивали документы, лейтенант, слегка шевеля губами, вчитывался в фамилии, иногда задавал однотипные вопросы: «Куда следуете?», «Ребенок с вами?» – и, получив ответ, удовлетворенный возвращал паспорта, двигался дальше. Солдаты молча следовали за ним.

Проверив документы у краснолицего мужика, у парня в вельветовке, лейтенант похлопал по спине лежавшего на второй полке пассажира.

– Товарищ, проснитесь. Ваш паспорт.

Пассажир повернулся к начальнику патруля и позвал его подойти ближе:

– Можно вас...

Лейтенант, с недоверием оглянувшись на солдат, подошел поближе. Пассажир что-то зашептал ему на ухо.

– Да вы что? – отпрянул начальник патруля и схватился за кобуру. Солдат, стоявший за спиной, скинул ружейный ремень с плеча.

– Спокойно, спокойно... – вытянул ладонь вперед пассажир.

– Быстро одевайтесь и на выход, – скомандовал лейтенант.

Пассажира конвоировали из вагона и тут же произвели досмотр. Каково же было общее удивление, когда лейтенант вытащил из нагрудного кармана досматриваемого... пистолет. Начальник патруля отскочил от пассажира как ошпаренный, выхватил из кобуры пистолет.

– Руки вверх! – заорал лейтенант. – Руки!

Солдаты вскинули винтовки.

– Товарищ лейтенант, я вам все объясню... – пытался что-то сказать пассажир.

– Молчать! Что ты объяснишь! Без документов, с пистолетом в кармане, в поезде на Москву...

– Да это же шпион, товарищ лейтенант, – прошипел за спиной солдат, – немецкий шпион, сука. В Москву ехал. К стенке его прямо здесь по законам военного времени.

– Лейтенант, – стараясь говорить как можно спокойнее, позвал пассажир, – пусть солдаты отойдут на пять шагов. Я все тебе объясню...

– А на двадцать не хочешь? Нашел дурака.

– Отведи меня к своему командиру.

– Может, тебя еще в Москву отвезти, в столицу нашей Родины, куда ты, падла немецкая, и стремишься...

Пассажир молчал. Реакция лейтенанта была понятна. Немецкие самолеты уже бомбили советские города. Патрульных заинструктировали до посинения. Началась шпиономания.

– Вперед! – скомандовал лейтенант. – Петренко – слева, Хлопушин – справа. И если дернется, стрелять на поражение.

«Твою мать... – выругался про себя пассажир, – ну попал». Он вспомнил инструктаж перед отъездом, его беспокойство по поводу того, что отправляется в путь без документов, да еще с оружием в кармане, в штатской одежде. Но тогда командир твердо сказал: «Не волнуйтесь. Вы же по своей территории поедете. Если у кого-либо появятся вопросы, не раскрывая себя, попросите позвонить в Москву по телефону. Телефон знаете?»

Запомнил он телефон, да что толку. Тут до телефона не доберешься, поставят к забору и шлепнут.

С другой стороны, и его прежнего командира понять можно. Откуда было знать, что в тот день, когда он пересечет советско-китайскую границу, начнется война. И своя территория ошестинится штыками. И таких вот патрульных будут ориентировать на поиск шпионов. И они, как и положено дисциплинированным воинам, станут искать их в каждом подозрительном.

Правда, если пораскинуть мозгами, то ясно как белый день, что шпиона не пошлют с пистолетом и без документов в тыл противника. Если надо, немцы сделают такие бумаги, хрен подкупаешься. Но откуда знать об этом молодому лейтенанту, даже не успевшему еще обмять свою новенькую, со склада, гимнастерку, тем более солдатам. Для них он уже однозначно какой-нибудь фашистский диверсант, стремящийся в Москву подорвать Кремль. Только, видимо, приказ у них все-таки не сразу «шлепать» подобных подозрительных, а куда-то доставлять. В этом и есть его спасение.

Дорога вдоль железнодорожного полотна заняла с полчаса. Вскоре они подошли к воротам какой-то воинской части. Начальник караула проводил задержанного на местную гауптвахту.

Дверь камеры захлопнулась, и пассажир остался один на один с собой. «Да уж, воин-интернационалист... – горько подумал он, – не такого приема ожидал на Родине». Впрочем, это полбеда. Его занимало другое: чтобы начальник того лейтенанта оказался поумнее да поопытнее своего подчиненного. А о том, что его вызовут к местному начальству, не сомневался. В конце концов, не каждый день здесь, в тихом тыловом Куйбышеве, ловят немецких шпионов.

И вправду, не прошло и четверти часа, как открылась дверь, на пороге вырос старшина, видимо, служитель гауптвахты.

– На выход, – устало бросил он и, сняв с плеча винтовку, предусмотрительно отступил в глубину коридора. – Руки назад!

Старшина под конвоем провел его в штаб, остановил у двери с табличкой: «Майор Тонков», постучал, распахнул дверь.

– Разрешите, товарищ майор? Задержанный доставлен.

– Заводи, старшина...

Майор Тонков по виду соответствовал своей фамилии: высокий, худой, чернявый. Стоял, склонившись над столом у окна, курил. На столе была разложена карта. Пассажир заметил: карта европейской части нашей страны.

Майор уткнулся в карту и, казалось, не замечал вошедшего.

– Пистолет твой? – спросил он неожиданно. Потом медленно повернулся, опустился на стул, достал из ящика стола пистолет.

– Мой...

– Откуда?

– Ответить не могу...

– А что можешь?

– Прикажите телефонистке набрать Москву.

– Москву? – брови майора удивленно взлетели вверх.

– Да, Москву, телефон К-5-30-00.

– Это что за номер?

– Телефон коммутатора Генерального штаба.

Майор поднялся из-за стола, набылчился.

– Ты что несешь, сынок? Может, тебе еще коммутатор товарища Сталина набрать?

– Если надо будет, то и коммутатор товарища Сталина наберете.

– Ты кто такой, черт возьми? – позеленел майор. – Отвечай. Война идет. Немец уже вклинился в нашу территорию, города горят, люди гибнут. А ты с оружием, без документов...

– Я командир Красной армии. Выполнял специальное задание. Прикажите набрать номер.

– Фамилия?

– Никифоров... Александр Никифорович...

Майор опустил на стул.

– Ну, молись, Никифоров или кто ты там, чтоб на этом номере тебя знали. Иначе расстреляю собственной рукой.

Тонков погрозил костлявым кулаком и приказал увести задержанного.

Вновь та же камера, деревянные нары. Обычная армейская гауптвахта. Хотя, откровенно говоря, за всю свою службу в Красной армии ему не приходилось проводить время на «губе». В военном училище он ходил в отличниках, старался дисциплину не нарушать. В Разведуправлении, куда попал после выпуска, ни о чем, кроме службы, думать было некогда, в командировке в Китае, откуда он теперь возвращался, – и подавно. Работа днем и ночью, и гауптвахта, окажись она рядом самым фантастическим образом, могла сойти за местный санаторий. Но вот, поди ж ты, жизнь непредсказуемая штука. Сегодня только за один день он успел побывать и в роли немецкого шпиона и попариться на нарах.

Шутки шутками, а внутри затаился гадкий холодок: а вдруг действительно в управлении, на телефоне, который он оставил майору, никого не окажется. Или окажется какой-либо новенький, который и слухом не слыхивал о нем. А может, случится что-нибудь еще нештатное, ведь все эти звонки, телефоны хороши были в мирное время, а теперь уже несколько дней идет война... И что там творится в его службе, в Москве, одному богу известно. А майор Тонков злой, ядовитый, у такого рука точно не дрогнет.

Александр брякнулся на нары. Как все-таки глупо влип. Черт возьми, действительно немцы уже топчут нашу землю. Провожая, командир говорил: «Езжай быстрее, тебя очень ждут в Москве», а он валяется здесь, в каком-то Куйбышеве на нарах, и его в который раз обещают поставить к стенке.

Хотелось есть, но, судя по всему, кормить его не собирались. Да и какой еды предложить немецкому шпиону? Разве что яду.

А каково было этим? Он вдруг вспомнил имена царских полковников и генералов, выбитые на мраморных плитах Академии Его Императорского Величества Генерального штаба.

Никифоров сел, тряхнул головой, стараясь понять, спит ли он, бредит ли. Странная штука – память, неожиданно всплывает что-нибудь совсем не к месту.

После окончания Ленинградского военного училища связи Александр никогда не вспоминал этот случай. Как-то, будучи курсантами, они разглядывали мраморные пилоны, на

которых были золотом выбиты имена выпускников – отличников прежних лет. Курсанты любили сюда приходить. Втайне каждый из них мечтал увидеть свою фамилию на этом почетном пилоне.

Сколько раз они бывали здесь, но в тот день их словно кто-то дернул за рукав. Александр вместе с товарищем по учебному взводу заглянули по ту сторону почетной доски. Сделать это оказалось не трудно, так как мраморные пилоны держались на довольно длинных металлических штырях, прикрепленных к стене.

А там словно приоткрылось окно в историю. Имена, имена... Да какие имена! Лучших выпускников Академии Генерального штаба. Ведь именно в здании их училища до революции 1917 года и располагалась эта академия.

Друг Роман, пытаясь прочитать фамилии, вдруг ахнул и, понизив голос, взволнованно прошептал:

– Сашка, смотри, кто тут учился... Юденич Николай Николаевич, год выпуска 1887-й, Алексеев – 1890-й. Ба! Врангель! 1910 год.

Они еще долго стояли, уткнувшись носами за мраморные пилоны, читали фамилии, вспоминали, что же об этих «беляках» рассказывали им преподаватели. Ну, то, что они были врагами советской власти, само собой. Разгромили их красные полководцы Буденный, Ворошилов... А еще? Оказалось, более ничего дурного. Как же так? Роман и Александр виновато переглянулись. Забыли, что ли? Стали вспоминать.

– Генерал Алексеев. После Октябрьской революции выступил против советской власти, создал на Дону Добровольческую армию... – сказал Никифоров.

– Э, нет, Саша, так не пойдет, это же школьная программа, – поморщился Роман, – а ты завтрашний советский офицер.

– Ну, по-моему, Алексеев был начальником штаба Киевского округа, потом командовал корпусом...

– А до этого? Заметь, очень важная деталь. Он в этой академии преподавал, преподавал?... – Роман с улыбкой заглядывал в глаза другу.

– Историю русского военного искусства!..

– Точно!.. Был профессором.

– Но главное не это. Весной 1915 года Алексеев сорвал замысел германского командования по окружению русских армий в Польше.

– А Врангель? – продолжал подначивать Ромка.

– Что Врангель? Контра твой Врангель, – ответил в сердцах Никифоров.

– Не спорю, все они контра! – тут же нашелся друг. – Но что нам Савелий Иванович на той же истории военного искусства рассказывал?

И Роман стал загибать пальцы.

– Участник Русско-японской войны, раз. В Первую мировую уже командовал корпусом, два. А между прочим, был из вольноопределяющихся, получил офицерский чин, Академию Генштаба эту же закончил, генералом стал.

Друг загадочно огляделся и, придвинувшись поближе, горячо зашептал на ухо Никифорову.

– Слушай, а как думаешь, мы с тобой генералами станем?

– Вряд ли... – спокойно ответил Александр.

Роман отшатнулся, обиженно надул губы.

– Это почему же?

– Да потому, что связисты мы с тобой.

– А что, среди связистов генералов не бывает...

– Бывает, Рома. Только не забивай себе голову разной чепухой.

Александр обнял товарища за плечи. Но тот, уходя, еще раз оглянулся на мраморные пилоны.

– Нет, Сашка, не скажи. Скоро твою фамилию выбьют на той почетной доске. Интересно все-таки. С одной стороны генерал Алексеев, с другой – лейтенант Никифоров.

Собственно, так и случилось, как предсказал сослуживец. В 1939 году Александр Никифоров с отличием закончил военное училище, и его имя золотом выбили на мраморном пилоне.

Только почему этот случай вынырнул из памяти именно сейчас, казалось бы, в самый неподходящий момент, он, откровенно говоря, в толк не мог взять.

Ответить на этот вопрос самому себе он не успел. В коридоре послышались шаги, повторились все те же звуки – взвизгнул засов, распахнулась со вздохом дверь, и знакомый старшина шагнул в камеру.

– Пойдемте, майор ждет...

По тому, как старшина сказал эту фразу и не отступил в коридор, не сдернул с плеча винтовку, Никифоров почувствовал: дозвонился майор до Москвы, дозвонился.

Майор Тонков ждал его у дверей кабинета. Он распахнул свои длинные, худые руки, словно желая обнять Никифорова, и почти по-отечески пожурил:

– Что ж вы сразу толком ничего не объяснили? Мы хоть здесь и тыловые крысы, но тоже не без понятия.

Никифоров молчал. Майор так и не понял, что лейтенант Разведуправления Красной армии сказал все, что мог.

Майор тем временем вытащил из стола конфискованный пистолет Никифорова и протянул какую-то бумагу. Александр взглянул. На ней было написано, что он является командиром Красной армии и имеет право на ношение оружия. Все заверено подписью и печатью.

«Наконец-то, – с облегчением подумал Никифоров, – а то ведь еще полстраны проехать надо. Сколько таких резвых патрульных лейтенантов наберется на каждом полустанке, а уж о вокзалах и говорить не приходится».

– Ладно, будьте здоровы, – протянул костлявую ладонь майор Тонков, – не держите зла. Сами понимаете, война.

Его отвезли на вокзал, а вечером он опять забирался на верхнюю полку вагона поезда, следующего в Москву. «Надеюсь, этот перегон будет более спокойным, чем прежний. Скорей бы уж в управление, да делом заняться. Настоящим делом».

Намаявшись за день, лейтенант Александр Никифоров уснул сном праведника, еще не зная, что и Москву, и управление, и настоящее дело он увидит нескоро. Долог оказался путь. Почти месяц добирался он до столицы. Но пока ничего этого лейтенант не знал. Он просто спал.

Поединок со злыми духами пустыни Гоби

Летом 1939 года все выпускники Ленинградского военного училища связи знали места своей будущей службы. Все, кроме 18 «счастливицов». С ними еще в мае побеседовал какой-то майор из Наркомата обороны, и... тишина. Александр Никифоров, попавший в это число, даже стал волноваться: как бы не забыли про них.

Но после выпускного вся группа получила предписания: явиться в распоряжение 5-го управления Наркомата обороны. Что за 5-е управление, никто из них толком не знал. Друг Александра Рома Гончар где-то пронюхал, что якобы под этим наименованием и засекречена военная разведка.

Ну что ж, прибыли они в Москву по указанному адресу. Как позже узнали, в дом Саввы Морозова на бывшей Басманной улице. Их принял военинженер 1-го ранга Артемьев. Увы, все, что сказал начальник, повергло молодых лейтенантов в уныние. Они были готовы хоть завтра по заданию партии, комсомола и разведки лететь к врагу в тыл, им мерещились самые опасные секретные задания, которые они, разумеется, блестяще выполнят... Но военинженер произнес по сути своей очень досадные слова, и сводились они к одному: «Вы, ребята, пока не готовы выполнять самые секретные задания... Надо еще подучиться».

– И сколько надо подучиваться? – осторожно спросил кто-то из них.

– Шесть месяцев, – развел руками военинженер 1-го ранга.

Вздых сожаления вырвался одновременно из груди Александра и его товарищей. Артемьев это понял по-своему.

– Понимаю, программа очень обширная, трудоемкая, сложная, но на большее нет времени, – попытался успокоить он молодых лейтенантов.

Впору бы обидеться, почему их, высококласных специалистов связи, красных командиров, которых учили три года кряду, опять сажают за парты? Да вот обидеться они не успели. На следующий день с ними провели первое занятие. Кое-что рассказали, показали, и выпускные амбиции слетели с них, как пух с тополей под майским ветерком. Теперь, реально оценивая свои знания и умения, лейтенанты с тревогой прикидывали, а хватит ли им тех самых шести месяцев, о которых говорил военинженер Артемьев, для освоения предложенной программы.

А программа, выражаясь современным языком, оказалась очень «крутая». Они должны были научиться поддерживать связь на дальние расстояния, успешно работать в условиях радиопомех, на больших скоростях. Что касается, например, скоростей работы на ключе, то лучшие выпускники военного училища связи с трудом могли представить, что вообще существуют такие скорости.

Им предстояло изучить новую коротковолновую приемо-передающую аппаратуру, специальные правила связи.

По поводу досконального изучения аппаратуры их преподаватель военинженер 3-го ранга Парфенов на первом же занятии сказал:

– Никого агитировать не буду. Попрошу запомнить только одно и потом не говорить, что не слышали: если ты командир взвода связи, к примеру, в полку или в дивизии, над тобой куча начальников. Плохо это или хорошо?

Лейтенанты деликатно промолчали.

– И то и другое, – ответил преподаватель. – Могут спросить, проконтролировать, но и помогут в трудную минуту. Ну, не разобрался в поломке молодой командир, спросил – разъяснили, разжевали, помогли. А кто тебе поможет за сотни километров в тылу врага? Ты один на один со станцией. Ты самый большой спец. Кроме того, это единственная ниточка

связи с Центром, с Большой землей. Значит, от твоих знаний, умений, мастерства зависит не только твоя жизнь, но и жизнь десятков, а может, и сотен, людей.

Эти слова потом часто будет вспоминать Никифоров. Военинженер в две минуты объяснил самую суть работы разведчика-радииста.

Учились они, откровенно говоря, не просто с упорством, учились с неистовством. Грызли науку спецрадиосвязи и днем и ночью. Понятие «личное время» было весьма условным. Никто из них тогда еще не знал, какую проверку на прочность устроит им судьба, но то, что устроит – не сомневались.

В марте 1940 года обучение закончилось. С апреля началась стажировка на Центральном радиоузле Разведуправления. И тут они, к счастью, попали в руки истинных мастеров-радиооператоров, которые работали в Испании, в Китае. Многие из них были награждены боевыми орденами и у стажеров пользовались большим авторитетом.

Позже события тех дней друг Никифорова – Роман Гончар будет оценивать так: «По окончании курсов усовершенствования и стажировки все мы были твердо уверены, что обеспечим радиосвязь в любой обстановке, на любые расстояния, в условиях помех и на больших скоростях. Здесь, на курсах, мы теоретически и практически освоили связь на коротких волнах, на маломощных радиостанциях и твердо убедились в возможностях коротких волн.

Я никогда не забуду декабрь 1939 года, поздний вечер, первое дежурство на коллективной радиолюбительской радиостанции. Обнаружил работу радиолюбителя с острова Лусон (Филиппины) и под руководством Л. Долгова установил с ним двустороннюю радиосвязь.

На следующий день отыскал этот далекий от Москвы остров на карте и с трудом поверил в реальность случившегося. Подобные дальние связи придавали уверенность в работе, практически подтверждали теоретические выкладки о возможностях связи на коротких волнах на такие большие расстояния».

Нечто подобное переживали все стажеры. На передающем радиоцентре ГРУ им поручали работать с разными корреспондентами. Так, лейтенанту Александру Никифорову чаще всего, под руководством опытных операторов, приходилось принимать радиogramмы некоего корреспондента с забавным (как ему казалось тогда) позывным «Жмеринка». Разумеется, он и знать не знал, кто эта «Жмеринка». Только после войны Никифорову станет известно, что, будучи еще стажером, держал связь с легендарным советским разведчиком, резидентом ГРУ Шандором Радо.

1 мая 1940 года вся группа молодых офицеров-радиооператоров участвовала в военном параде на Красной площади. Они чеканили шаг в составе сводного полка офицеров Народного комиссариата обороны. Замерзли, откровенно говоря, крепко.

Ночью неожиданно выпал снег, и в Москве было холодно и знобко. А участники парада все как один одеты в гимнастерки.

После прохождения по площади их отвели на соседнюю улицу, прозвучала команда: «Разойдись!», и они, словно дети, стали прыгать, толкаться. Всюду звучал смех. Было шумно. Шумно...

...Никифоров открыл глаза. По вагону, галдя и шаркая обувью, шли новобранцы. Их можно было сразу отличить от других пассажиров – молодые ребята, видимо, вчерашние школьники, с вещмешками под мышкой, за спиной.

Лейтенант спустился с полки. Поезд стоял у перрона. А на перроне – военные, военные... Гимнастерки, сапоги... Командиры, солдаты. Напротив их вагона в две шеренги выстроилось какое-то странное подразделение. Из соседнего купе донеслись удивленные девичьи голоса:

- Ой, смотри, смотри, Лидка, китайцы!..
- Где китайцы?
- Да вот же, разуй глаза. Они в нашей форме.

Александр усмехнулся, поглядывая в окно. «Не китайцы, а корейцы. Уж он теперь китайца за версту узнает, не ошибется. Год с лишним с ними прожил, бок о бок. Впрочем, прожил – это громко сказано, точнее – выжил».

...После того памятного, как они его прозвали, «ледяного парада», нескольким офицерам-радиостам из числа стажеров приказали убыть в командировку. В Китай.

Что они знали тогда о Китае? Не многое. В июле 1937 года японские империалисты напали на Китай. Китайский народ сражается за свободу страны. Советский Союз не бросил в беде своего соседа.

Мы поставляли Китаю боеприпасы, топливо, боевую технику – самолеты, артиллерию. В штабах китайской народной армии и в районах боевых действий работали наши советники, в небе сражались советские военные летчики.

Через 30 с лишним лет в своей книге «Боевые маршруты» известный советский летчик, Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Ф. Полынин напишет: «Японские бомбардировщики разбойничали в небе Китая, по существу, безнаказанно. От бомбардировок особенно страдали крупные города. Скученность народа там была ужасная, от зажигательных бомб возникали пожары, и люди в огне гибли тысячами».

Было объявлено, что лейтенантам предстоит служить в Сучжоу, в Кульдже, в Урумчи и в Ланьчжоу. Посмотрели на карте. Кульджа, почитай, рядом с советско-китайской границей, до Алма-Аты рукой подать, Урумчи подальше, а до Ланьчжоу ехать и ехать, а лучше лететь самолетом. Этот город в центре Китая.

Им, отправившимся в командировку, рассказали, что в 1938 году главным направлением, по которому стала поступать советская помощь, был путь от Алма-Аты, через Джаркент (теперь он именовался городом Панфиловым), пограничный пункт Хоргос, и далее через различные селения китайских провинций Ганьсу и Синьцзян в центральные и южные провинции Китая.

Услышав названия этих провинций, лейтенант Александр Никифоров тогда еще не знал, что в одной из них, Ганьсу, он проведет ближайший год.

А год этот выдался тяжким. Казалось, он, деревенский парень из Смоленской губернии, повидал разное. Выросший в самые сложные, неблагоприятные 20-е – 30-е годы, познал и холод, и голод, и крестьянский труд. Чем его можно удивить, а тем паче напугать? Оказалось, можно. Следуя к месту службы, на подъезде к Сучжоу, где должен был располагаться его радиоузел, они остановились, чтобы передохнуть, из горных пещер к ним высыпали китайцы. Он до сих пор помнит мурашки, побежавшие по спине: нечесанные, немытые, в грязных лохмотьях, больные. Китайцы окружили их. Никифоров был потрясен.

А дальше – не дорога – одно название. Ориентиров никаких. Не дай бог сбиться с пути, попасть в песчаную бурю. Да и что тут, собственно, удивительного. Пустыня. Деревьев нет, редкие кустики. Иногда вдоль дороги попадаются дома-мазанки. Вместо стекол в окнах рисовая бумага.

На всем этом очень невеселом пути, именуемом автомобильной трассой, стояли автомобильные базы. Их цель – техническое обслуживание автотранспорта, на котором доставлялась военная техника, боеприпасы, горюче-смазочные материалы в Китай и уже непосредственно по стране.

Эти базы были развернуты на перевале Кинсай, в местечках Шихо, Урумчи, Пичан, Анси, Сучжоу, Ланьчжоу.

Кроме автодороги функционировала и авиационная трасса. Она брала свое начало в Алма-Ате и проходила по населенным пунктам Кульджа, Шихо, Гучен, Хами, Анси, Сучжоу, Ланьчжоу и далее на юг Китая. Здесь работали аэродромы, обеспечивающие дозаправку самолетов.

Еще в 1937 году, когда только начинали разметку автомобильной и авиационной трасс, закладывались аэродромы, сюда вместе с первыми специалистами прибыли и разведчики-радисты, оборудовали радиоузлы, развернули радиостанции. Это помогло штабу руководства обеспечить управление всем процессом доставки боевой техники и вооружения в Китай.

Однако с каждым месяцем поставки росли, перегон авиационной техники увеличился, а значит, должна развиваться и вся действующая система радиосвязи. Надо было разворачивать новые радиостанции на промежуточных аэродромах и автомобильных базах, создавать радиосеть между аэродромами для передачи метеорологической обстановки, а также между аэродромами и самолетами. Опытных операторов не хватало. Потому после переподготовки, стаж на центральном узле они долго в Москве не задержались.

Лейтенант Александр Никифоров ехал в Китай, волновался. Вроде и подготовку прошел неплохую, но что там ждет, кто знает. И надо сказать, что волновался не зря. Проблем, прежде всего профессиональных, оказалось хоть пруд пруди.

Первый тяжелый сюрприз преподнесла природа провинции Ганьсу, где располагался его радиоузел. Дело в том, что здесь трассы проходили по пустынной местности. Автомобилистов и летчиков встречала самая холодная на земле пустыня Гоби.

Весной, летом, осенью здесь свирепствовали песчаные бури. Чем они страшны для радистов? Тем, что наэлектризованный песок создавал в антеннах высокие электрические потенциалы, что приводило к сильным разрядам. Радиосвязь резко ухудшалась, возникали помехи, в наушниках были слышны только оглушительные хлопки. Прием даже небольших радиogramм длился во много раз дольше, чем обычно. А стихия могла бушевать от трех до пяти суток. Песок заносил трассу, наметал барханы. Как противостоять песчаным бурям, ломали голову все радисты, работавшие в Китае. И выход был найден: приемные антенны стали располагать внутри помещений, тем самым изолируя их от наэлектризованного песка. Поединок с духами злой пустыни Гоби военные разведчики-радисты выиграли.

Сколько таких, образно выражаясь, злых духов встречали они там! Порой не знали – после чашки риса, преподнесенной улыбчивым, учтивым китайцем, проснутся ли? Своих поваров на их пункте не было, слишком мало личного состава – три радиста, во главе с ним, лейтенантом Никифоровым, шифровальщик, синоптик, фельдшер. Вот и весь контингент. Естественно, повара – китайцы. Как выяснилось позже, во многих пунктах поварами у советских работали завербованные японцами агенты.

Так ехал он в поезде и вспоминал в подробностях прошедший год. Эшелон стоял на запасных путях, в тупиках, принимал и выгружал новобранцев. На станциях пассажиры первым делом бросались узнавать новости: как фронт, где немцы? А новости были неутешительными. В середине июля, когда после долгой дороги он впервые ступил на твердую, желанную московскую землю, радио сообщало: в районе Смоленска продолжаются упорные бои. 20-я армия генерала Курочкина сдерживать превосходящие силы 9-й немецкой армии не смогла. Танковые дивизии обошли ее и приблизились к Смоленску.

16 июля противник ворвался в южную часть города. Идут ожесточенные бои. Возросла угроза прорыва немцев к Москве.

Прямо с вокзала он поехал в Разведуправление. Как оказалось, его уже давно ждали. 2 июля Директивой начальника Генерального штаба в системе военной разведки было создано первое подразделение по подготовке разведчиков-радистов – 55-я отдельная радиорота.

У войны свои законы. В соответствии с ними ежедневно, ежечасно требовался большой объем развединформации. Разведуправления фронтов засылали в тыл противника десятки, сотни разведгрупп и отрядов. Позже будет подсчитано, что только за первые семь месяцев войны в тыл врага были заброшены 10 тысяч разведчиков и партизан. А в состав

каждой группы должен входить как минимум один, но чаще два радиста. Спрос на радистов был просто огромен.

«Без связи мы ноль...»

Ночь на 16 октября 1941 года выдалась холодной. Шел мокрый снег, под утро ударил морозец. Дороги, улицы, тротуары покрылись коркой льда.

Вторая радиорота с рассветом покинула Чернышевские казармы, которые на три месяца стали их родным домом.

Радиоинструктор лейтенант Александр Никифоров еще раз оглянулся на их временное прибежище, которое поначалу казалось ему таким угрюмым и неприветливым. Теперь от этих стен веяло теплом, чем-то родным и очень близким.

Он не заметил, что вместе с ним замедлили шаг последние шеренги роты. На левом фланге, как всегда, шагали самые маленькие и юные курсанты. Вернее – курсантки. Они также обернулись и остановились, а рота ушла вперед. К реальности их вернул требовательный голос командира:

– Лейтенант Никифоров! Не отставать, подтянись!

И последние шеренги, во главе с лейтенантом, бросились догонять уходящих товарищей.

Промозгло. Сыро. Гололедица. Дорога забита грузовиками, легковыми автомобилями, автобусами. Кто-то стоит, кто-то пытается ехать, скользя и сползая в кювет.

По обочине, увязая в грязи, идут люди – мужчины, женщины, дети. На плечах, на спинах, под мышками тащат мешки, свертки, рюкзаки. Жители столицы покидают город.

Государственный Комитет Обороны, в связи с приближением фронта к столице, принял решение об эвакуации правительственных учреждений, дипломатического корпуса, оборонных предприятий, культурных и учебных заведений. Поток эвакуированных хлынул из Москвы.

40-му отдельному радиобатальону, который развернулся на базе 55-й радиороты, тоже было приказано убыть из столицы. Маршрут: Москва – Покров – Владимир – Ковров – Горький.

Утром 16-го вышла вторая рота, 17-го и 18-го должны убыть другие подразделения и службы батальона.

Курсанты – вчерашние выпускники школ, студенты – девушки, юноши, самому молодому – шестнадцать лет, старшему – девятнадцать, несли на себе все ротное хозяйство: постельные принадлежности, телеграфные ключи, головные телефоны и, разумеется, оружие – карабины, патроны.

Командиры, которые были не намного старше курсантов, как могли, поддерживали свои подчиненных.

Прошло почти четыре месяца войны. Разведуправление надеялось на них – командиров взводов, рот, радиоинструкторов батальона, пусть еще и молодых по возрасту, но уже опытных, знающих специалистов связи, прошедших дорогами Испании и Китая. Что же они успели сделать? Оправдали надежды?

Лейтенант Александр Никифоров шел по обочине дороги, то и дело помогая увязающим в грязи девчонкам-курсанткам, слушал, как хлюпают десятки сапог, ощущал, как давит на плечи мокрая, набухшая от влаги шинель.

Нет, они не подвели командование, за эти месяцы сделано немало. Уже к 10 сентября на базе роты развернули батальон в 400 человек. Легко сказать, развернули... Идет война, и в стране, в Москве формируется множество частей. Потребность в людях, в вооружении, в технике велика. Каждого человека приходилось буквально выбивать. А ведь в спецрадиосвязь не каждого возьмешь. Тут способные, грамотные люди нужны. Поэтому искали их в секциях радиолюбителей, в институтах связи, в других вузах, где прежде до войны работали

кружки коротковолновиков, в школах Осоавиахима. Но таких, подготовленных, натасканных, разумеется, не хватало. Зачастую приходили те, кто порою об азбуке Морзе ничего и не слышал, и телеграфный ключ в глаза не видел.

С ними приходилось повозиться. Сначала теоретическая часть – изучить саму азбуку Морзе. Да не просто тупо зазубрить, а научиться понимать. Очень трудоемкая, кропотливая работа.

Дальше – освоение материальной части. Станцию радист разведки должен знать как свои пять пальцев, и если уж не на уровне инженера, то хотя бы техника. То есть быть готовым не только к ее бережной, грамотной эксплуатации, но и ремонту. И еще полбеды, если этот ремонт предстоит провести в партизанской землянке, а если в лесу, в поле, в стогу сена?

Но и это не все. Надо научиться «жить» в эфире: работать, принимать радиogramмы, передавать их, заниматься шифровкой, дешифровкой.

Словом, требования к разведчику-радисту высоки. Ибо послать разведгруппу в тыл без радиосвязи или с плохой связью – это значит обречь бойцов на верную смерть.

И наконец, последнее. Вернее, это стало первым, с чего, собственно, и начинали командиры радиобатальона отбор курсантов – с объективного рассказа о том, что ждет будущих разведчиков-радистов, попади они в руки врага. А ждать их могли издевательства, пытки и возможная гибель. Никакой романтики, красивых слов, только жестокая правда. В общем, даже в это тяжелое время брали только добровольцев. Тех, кто отказывался, просто откомандировывали в другие части, например, в войсковую связь. Справедливости ради надо сказать: отказников было не много.

Обучение проходило в интенсивном режиме. Занимались по 10–12 часов в сутки. А ночью приходилось вскакивать по воздушной тревоге. Немцы усиливали налеты на Москву, и воющий сигнал звучал почти каждую ночь. Это изнуряло командиров и курсантов батальона, но иного было не дано.

В одном из учебных классов висела карта Москвы и близлежащих областей. Никифоров сам черным и красным карандашами наносил обстановку. Трудное это было дело – наносить обстановку осенью 1941 года.

3 октября черная стрела накрыла Орел – немецкие танки ворвались в город, 6 октября пал Брянск, 12-го – Калуга. 14 октября стрела вонзилась в Калинин. И вот теперь, 16-го, они в дороге. Где-то там впереди Владимир... Но до него еще надо дойти.

– Эй, лейтенант! – услышал Никифоров окрик. – Помог бы инвалиду.

Александр оглянулся. Шагах в пяти от него стоял седой, небольшого росточка старик и пытался поднять с земли набитый, видимо, домашним скarbом, мешок.

Никифоров возвратился, подхватил мешок, забросил его на спину старику.

– Ну вот, – пробурчал недовольно из-под мешка дед, – и на том спасибо...

– Что так неласково, отец? – спросил лейтенант.

– А за что вас ласкать, сынки? – оскалился дед. – Видать, заблудились вы...

– То есть как заблудились?

– Как? Да очень просто. Немец на Москву прет, а вы в обратном направлении маршируете.

Александр даже на мгновение растерялся. «Вот тебе раз, без вины виноватые». Но потом представил, верно ведь возмущается дед, со стороны так оно и видится – бегут солдатики, спину немцам показывают.

– Знаешь, дедуля, – сказал Никифоров, – у каждого свой фронт. – И зашагал дальше, подняв повыше полы длинной намокшей шинели.

Потом они еще не раз будут слышать подобные упреки на всем пути до Горького. Да и в Горьком их никто с пирогами не встречал. Здание средней школы на улице Коминтерна, голые стены, цементные полы, да два десятка парт, оставшиеся от прежних хозяев.

Здесь и должен был разместиться батальон. Всю последующую жизнь предстояло устраивать самим. Что ж, не раскачиваясь, быстро взялись за дело. Сколотили нары, столы, скамейки, отрыли бомбоубежище. В городе найти что-либо необходимое для учебы – инструменты, радиодетали, бумагу, карандаши – было почти невозможно. И тем не менее вскоре батальон возобновил обучение.

Пополнение теперь приходило в основном из девушек. Парней набирали в действующую армию, да и Разведуправление понимало: молодым людям труднее легендироваться в тылу врага. На занятой фашистами территории, в городе ли, деревне, появление юноши вызывает подозрение. У гестапо возникает естественный вопрос: молодой и здоровый, почему не в армии, не на фронте? Не шпион ли?

А события на фронте развивались таким образом, что требовалось все большее число разведчиков-радиостов – активизировалась деятельность оперативной разведки, увеличивалось количество сеансов, рос объем радиообмена. Снижать качество подготовки операторов было нельзя, наоборот, действительность заставляла готовить классных специалистов. Увеличивать же срок подготовки курсантов не позволяла обстановка. И поэтому режим учебы в батальоне становился все более напряженным – занятия проводились уже по 14–16 часов в сутки, а практические тренировки шли как днем, так и ночью. О выходных днях, отпусках для курсантов никто и не помышлял.

Об интенсивности подготовки разведчиков-радиостов Горьковской школы может говорить такая цифра: в начале 1943 года из ее стен на фронт ежемесячно уходили 80–90 специалистов. Они были не только радиооператорами, но, прежде всего, бойцами, защитниками Отечества, мужественными людьми.

Представьте себе: разведгруппа в 5–7 человек – песчинка во вражеском океане, маленькая горстка людей, против мощной, контрпартизанской жестокой машины. Каждый выход в эфир – это вызов врагу – обнаружение себя, «засветка»... Позывные радиостанции, как магнит, притягивают к себе пеленгаторные подразделения фашистов. Кольцо сжимается.

Это только в кино радиостов долго и упорно обучают прыгать с парашютом, а потом там, внизу, партизаны несколько суток расчищают площадку, жгут костры. Так вот, жизненная правда, в отличие от киношной, в том, что разведчиков-радиостов во время войны никто не обучал прыжкам с самолета. В той же Горьковской школе вообще не было парашютной подготовки, и радисты видели парашюты в первый раз в жизни только перед полетом.

Александр Никифорович Никифоров о том времени вспоминал так: «Направлялись радисты в тыл врага вместе со своими разведчиками по воздуху или морским путем, а то и пешим порядком через линию фронта. Пожалуй, наиболее сложными и опасными были парашютные прыжки “вслепую”. Внизу в этом случае разведчиков часто не встречали друзья, как правило, заранее не готовились приемные площадки с сигнальными кострами, детально не известна была и обстановка в районе приземления. В этих условиях разведчики нередко попадали в сложные ситуации: приземлялись непосредственно в расположение гарнизонов противника, зависали на деревьях, высоковольтных линиях электропередач, на шпилях различных башен и церковных крестах, попадали в реки, озера, болота и нередко тонули в них. Случалось, что некоторые разведчики после прыжка, не достигнув земли, были прошиты автоматными очередями или сразу после приземления попадали в плен... и тогда тюремные застенки и пытки в гестапо».

Многие из тех, о ком говорил Александр Никифоров, были его учениками и ученицами. Он обучал этих юных девушек и юношей не только профессии, но и смелости, расчету, умению действовать в самых тяжелых, опасных ситуациях.

Так, из-за ошибки пилотов радистку А. Быковскую из разведгруппы «Воронкин» десантировали далеко от места сбора. Было это на вражеской территории, в Польше, в районе города Бяльска. Радистка оказалась в лесу одна. Утром она вышла к селению, заглянула

в крайний дом. Поляк, хозяин дома, выдал советскую разведчицу фашистам. Но она действовала решительно и смело – уничтожила предателя и скрылась в лесу. Недельку блуждала по незнакомому болоту, без еды, боевых товарищей. И все-таки нашла свою разведгруппу, успешно выполнила задание и была награждена орденом Красной Звезды.

Радистки разведгруппы «Арап» Лидия Вербовская и Галина Сущева были выброшены с парашютами в 70 километрах от запланированного места встречи в районе Перемышля. Две недели они шли по лесу и горам. Двигались в основном ночами, обходя фашистские засады. Встречались с польскими и украинскими бандами националистов. А как известно, такие встречи для наших разведчиков были крайне опасны. И все-таки они выжили, вышли в намеченный район, подключились к работе разведгруппы и передали в штаб фронта более 100 ценных разведдонесений.

Позже, во время действий группы в Чехословакии, радиостанция Галины Сущевой была дважды пробита пулей. Но радистка и командир разведчиков восстановили рацию и наладили связь с Центром.

Таких примеров множество. Есть совершенно уникальные. Радистка Галина Степанишина вела радиосеансы, укрываясь по ночам в русской печи. Но самое поразительное, что печь эта находилась в общежитии, расположенном на территории гитлеровской дивизии СС.

Елизавета Вологодская, радистка разведгруппы «Львов», девушка маленького росточка, по виду почти ребенок, забиралась в собачью конуру и под носом у фашистов передавала радиogramмы.

Радистки разведгруппы капитана Крылатых Анна Морозова и Зинаида Бардышева долго уходили от преследования. За четыре месяца они прошли по прусской земле более 500 километров. 14 раз сталкивались с фашистскими засадами и облавами, передали в Центр свыше 100 радиogramм. Но в кровавых, жестоких схватках погибли все разведчики. Анна Морозова, раненная в руку, подорвала себя гранатой вместе с радиостанцией. Зинаида Бардышева, не желая сдаваться в руки фашистов, застрелилась из пистолета.

После войны в архиве Гимmlера было найдено донесение шефа безопасности СД № 156 от 16 января 1942 года. Гимmlеру докладывали о беспрецедентном случае. Безоружная арестованная 19-летняя радистка Валентина Чеботарева убила двух эсэсовских офицеров из их же оружия во время допроса.

Оказывается, гитлеровские офицеры угрожали двум захваченным разведчикам расстрелом. Но допрос шел плохо, партизаны молчали, и фашист, в сердцах бросив пистолет на стол, стал избивать допрашиваемого. Радистка схватила пистолет и выпустила обойму в обоих истязателей.

...В мае 1943 года старший лейтенант Александр Никифоров назначается начальником штаба Горьковской школы, а в следующем, 1944-м, его переводят в Москву. Теперь до конца войны он готовит разведгруппы для заброски в тыл противника уже в Центре. Оперативные квартиры, где идет подготовка, располагаются в Косино, в Серебряном Бору и основная – на Соколе, в городке художников на улице Левитана.

Нередко Никифоров сам вылетает на разные фронты, в тыл к партизанам, особенно если надо наладить связь в сложных условиях.

Как-то ночью его подняли по тревоге, поставили задачу и срочно отправили на аэродром. Оказалось, в партизанском отряде Героя Советского Союза Ивана Банова вышла из строя радиостанция. Отряд располагался в белорусских лесах. Александр Никифорович доставил партизанам радиостанцию «Север», два комплекта питания, новую программу. Сам установил связь с Центром.

Таких вылетов было много.

...После окончания войны, в 1946 году майора Александра Никифорова направили на учебу в Академию имени М.В. Фрунзе, на разведфакультет. Он оказался в первом после-

военном наборе. Знатный был набор. Все фронтовики, орденосцы, Герои. На параде академия выставляла целый батальон Героев Советского Союза. Знамя академии нес трижды Герой, прославленный воздушный ас Александр Покрышкин, ассистировали ему дважды Герои Советского Союза.

Разведфакультет – большой, 100 человек. Подготовку давали крепкую, основательную. Никифоров учился хорошо, но особенно здорово шел у него английский язык. Александр увлекался им еще в училище, теперь в академии, а по окончании академии и на Высших академических курсах.

Когда в 1951 году обучение закончилось, его пригласил на беседу начальник управления ГРУ Павел Мелкишев, известный разведчик, бывший во время войны резидентом в Нью-Йорке.

– У вас хороший английский язык, вы закончили училище, академию, ВАК, воевали. Словом, жизненный и профессиональный опыт есть. Не хотели бы сменить амплуа? Я имею в виду из спецрадиосвязи перейти в оперативное управление.

Предложение, откровенно говоря, было неожиданным. И хотя Никифоров сказал, что не желал бы расставаться с техникой, Мелкишев подытожил:

– Вы и не будете расставаться. Эти знания очень помогут в оперативной работе.

Как в воду смотрел начальник управления. Так и получилось. Слияние технических знаний и оперативного опыта сделают из Александра Никифорова очень ценного специалиста, по-своему уникального, который внесет неоценимый вклад в развитие нашей военной разведки.

В 1951 году его кандидатуру предложат назначить в военный атташат Советского Союза в Великобритании. Англичане будут думать почти год и откажут во въезде в страну. Почему? До сих пор неизвестно, отчего его так невзлюбили британцы. Зато американцы согласились принять, и в 1952 году подполковник Александр Никифоров убыл в США на должность помощника военного атташе. Вскоре, правда, американцы пожалеют о своем решении. Но это будет потом.

Секретное оружие «топтунов»

Итак, 1952 год. Прошло семь лет со времени окончания Второй мировой войны. О том, что СССР и США были союзниками в той самой страшной войне XX века, на Североамериканском континенте стараются скорее забыть.

В 1946 году в Фултоне премьер-министр Великобритании, по сути, дал отмашку на развязывание «холодной войны», в 1949-м – создан агрессивный блок НАТО, направленный своим острием против СССР и его союзников, в 1953-м США начали боевые действия в Корее.

В Америке развернута широкая антисоветская пропаганда, осложнилась агентурная обстановка. Ограничено передвижение советских граждан по территории США, за сотрудниками дипломатических и торговых представительств усилилось наружное наблюдение. Под плотную опеку контрразведки попали работники аппаратов военных атташе.

Провокации стали постоянными спутниками деятельности американских контрразведчиков. Если не получалось «насолить» по-крупному, делали мелкие пакости: засыпали сахарный песок в бензобаки автомобилей, в магазинах подбрасывали в товарные корзины различные вещи, чтобы потом организовать шумное разбирательство и обвинить в воровстве. Нередко устраивали необоснованные задержания граждан СССР при покупке общедоступных товаров: книг, справочной литературы, топокарт, аэрофотоснимков.

Особенно тщательно готовились и подставлялись провокаторы. Сотрудникам совпредставительств нагло предлагали стать невозвращенцами в Советский Союз, а если получали отказ, представители американских спецслужб прибегали к запугиванию, шантажу, давлению.

Такому же моральному давлению подвергались и американские граждане. Несмотря на широковещательные заявления о свободе и демократии, американцы были запуганы массивными рассказами средств массовой информации и видели в каждом советском человеке «шпиона» и врага США.

«При первом знакомстве, естественно, человек спрашивает: “Кто вы? Откуда?” – рассказывал Александр Никифоров. – Зная напряженную обстановку в стране, поначалу пытаешься уйти от вопроса, отвечаешь, мол, из Европы. Не проходит. Чаще всего приходится конкретизировать. Говорить, что ты “советский”, нельзя. Учитывая, что русских из Европы там немало, представляешься: “Рашен”. И человека словно кипятком ошпаривает. Пот на лбу выступает, невольно по сторонам озирается. Ну еще бы, к шпиону попал».

В таких условиях и приходилось работать. Если выразиться официальным языком – в начале 50-х годов в США складывалась тяжелая агентурная обстановка.

Что означала она для разведчиков? С одной стороны, антисоветская риторика американских политиков, враждебная деятельность спецслужб требовала активизации усилий, расширения круга доверительных лиц, добывания ценной информации, с другой – разведка в таких сложных условиях требовала умения сочетать повышение активности разведдеятельности с максимальной осторожностью, умением легендироваться, не допускать ошибок. Ибо даже малые ошибки и просчеты никто не собирался прощать. Это означало, что каждое агентурное мероприятие должно было готовиться самым тщательным образом, с учетом детального изучения оперативной обстановки.

Однако подобная атмосфера холодной войны не была новостью, чем-то неожиданным для военных разведчиков, работавших в этот период в США. Начиная с 1945 года, она постепенно ужесточалась, как говорили в атташате, «подмерзала», улучшения ее не предвиделось, и потому принималась, как данность, как, к примеру, плохая погода. Однако и в плохую погоду надо работать, делать свое дело. И все бы ничего, но в последнее время как-

то странно повела себя «наружка». Такое впечатление, будто агентов-«топтунов» (как называют порой сотрудников службы наружного наблюдения), стало как минимум вдвое больше. Они появлялись внезапно, как черти из табакерки, в самых разных точках. Хотя на маршрутах движения к этим точкам все было, как обычно, ничего подозрительного не происходило.

Поначалу доклады оперативников руководители резидентуры воспринимали с улыбкой, мол, что для солдата самое неприятное на поле боя? Неприятель. Так и для оперативного офицера – наружное наблюдение. Стало быть, в этот раз «топтуны» вас обыграли.

Однако вскоре подобные доклады стали поступать постоянно, и руководству было уже не до улыбок. Всем стало ясно: резко возросшая оперативность и мастерство американской «наружки» на чем-то основывалось. Кто-то или что-то помогали им в работе. Словом, контрразведка придумала, изобрела нечто новое, и это «нечто» значительно повысило эффективность их деятельности.

Перед военными разведчиками встала серьезная задача. Возможно, самая серьезная и важная за последние десятилетия – разгадать этот секрет, понять, что за оружие в руках «топтунов». Иначе их работа будет сводиться на нет эффективными действиями американских спецслужб.

Ломали голову все – от рядового оперативника до резидента. В ходе анализа выяснилось, что в контрразведке произошли большие, а возможно, и кардинальные изменения в управлении ее силами и средствами. Но какие? Чтобы ответить на этот вопрос, следовало изучить, выявить все новое, что позволило американцам сделать такой качественный скачок.

Вашингтонская резидентура вплотную занялась этой проблемой. Вместе со своими товарищами ответ на волнующий всех вопрос искал и помощник военного атташе подполковник Александр Никифоров. Теперь он был оперативным работником, однако всю свою предыдущую службу, а это ни много, ни мало – 15 лет, Александр Никифорович посвятил связи. Ну разве что в последние несколько лет, во время обучения в академии, потом на высших академических курсах, занимался другими проблемами, но и там спецрадиосвязь, как первую любовь, не забывал. Потому мысли его и были обращены к техническим средствам. Если другие сотрудники резидентуры искали разгадку в оперативных приемах, то Никифорову казалось, что «собака зарыта» не здесь. Скорее всего, американцы усилили транспортную составляющую службы наружного наблюдения, а это невозможно сделать без совершенствования технических средств связи. Но это была лишь гипотеза.

Однако Александр Никифорович чувствовал, что он на правильном пути. В декабре 1952 года в Вашингтоне, в гостинице «Статлер», проходила конференция американского института радиоинженеров. Прежде подобные мероприятия не очень интересовали нашу разведку. Посещали оперативники, конечно, подобные конференции, собирали рекламные буклеты. На этом, собственно, работа и заканчивалась.

Но Никифоров пришел туда не как простой оперативник – походить, поглазеть, собрать рекламки. Задача стояла конкретная – определить диапазоны частот, используемых различными службами США. Он был уверен, что где-то среди множества переговоров врачей скорой помощи, такси, противопожарной охраны, полиции в эфире работают и радиостанции спецслужб и, в первую очередь, «наружки». Но где, на каких частотах, под какими кодами, псевдонимами скрываются «заклятые друзья» советских разведчиков?

Александр Никифорович понимал: кроме него, в этом хитросплетении разобраться некому. И тут не было никакой бравады, просто в резидентуре, среди оперативных работников он оказался единственным инженером-связистом такого класса. А ведь оказался, почти-тай, случайно. Не обрати на него внимание Мелкишев, не подтолкни к переходу в оперативное управление, и сегодня сотрудники резидентуры безуспешно искали бы ответ на злосчастный вопрос – что придумали американцы.

Хотя, судя по всему, радоваться рано. Он тоже пока не нашел ответ. Однако нашел другое – диапазон частот. Потом при прослушивании Никифоров засек какие-то радиопереговоры с использованием сокращений, кличек, жаргонных выражений. Возможно, это и «наружка», а возможно, и нет. Как говорят, «бабушка надвое сказала». А пока это лишь слова в эфире. Да, они носили сугубо конфиденциальный характер, но ничто не указывало на язык «топтунов». Впрочем, тогда, в начале 50-х, мы и языка-то такого не знали. Были слепые, как котята. Но твердо приняли решение прозреть. Однако, как говорят в народе, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Для такой работы требовалась тяжелая, кропотливая, каждодневная вахта. Важность ее, безусловно, понимали в резидентуре. Но одного понимания оказалось мало. Чтобы осуществить такое, разведчик должен хорошо знать английский язык, ориентироваться в городе, иметь определенный навык оперативной работы, уметь обращаться с радиоаппаратурой, а лучше – работать в эфире.

Но, как показала дальнейшая практика, даже при этих навыках разведчик вряд ли сможет успешно действовать, если не знает методы работы контрразведки, не в состоянии правильно оценить обстановку и поведение «наружки».

Конечно, сразу таких подготовленных людей трудно было найти. Каждый из них обладал определенными знаниями, опытом, в чем-то разбирался хуже или лучше своего товарища, но это не остановило сотрудников вашингтонской резидентуры. Учились, как говорят у военных, на марше. И вскоре у подполковника Александра Никифорова было достаточно умелых помощников. Им-то и удалось раскрыть операцию американских спецслужб по внедрению радиомаяков в автомобили оперативных работников резидентуры.

Это теперь любой мальчишка, начитавшийся шпионских романов и наглядевший голливудских кинофильмов, расскажет вам в цветах и красках, куда и как монтируются радиомаяки. А тогда, в 50-е годы, так называемые миниатюрные радиопередатчики были новым словом в науке. Американцы быстро взяли их на вооружение.

А обнаружил-то эти тональные сигналы Александр Никифоров со своими помощниками. Сигналы вели себя как-то странно: сначала их слышимость была вполне удовлетворительной, потом со временем становилась слабее, в дальнейшем и вовсе пропадала. Но случалось и наоборот.

Следовало выяснить происхождение этих сигналов. В резидентуре, по предложению Никифорова, было разработано и проведено несколько спецопераций. Офицеры разведки выезжали по разным маршрутам и выполняли заранее оговоренные маневры. В результате удалось установить: американская служба наружного наблюдения сумела вмонтировать в автомобили наших оперативных работников радиомаяки. Отсюда и эффективность обнаружения автомашин нашей разведки.

Маяки умело и скрытно размещались в различных местах автомобилей: под сиденьем, за приборной панелью, в багажнике, за обшивкой салона, под бензобаком. Электропитание этих миниатюрных передатчиков осуществлялось от аккумуляторных батарей самого авто. Включалось зажигание, и начинал свою работу маячок. Просто и гениально.

А поскольку сотрудникам резидентуры приходилось на ночь парковать свои машины на улице, стоянках, агентам наружного наблюдения не составляло труда установить такие нужные в их работе маячки. Делали они это и на автосервисах, куда советские разведчики доставляли свои автомашины для техосмотра и ремонта. «Применение радиомаяков американцами, – рассказывал мне Александр Никифорович Никифоров, – значительно затрудняло советской разведке выполнение задач в США. Особенно трудно было обнаружить за собой наблюдение. Наш сотрудник, совершая вынужденные поездки по прямым вашингтонским улицам, порою не мог определить не только количество автомашин, ведущих за ним слежку, но даже установить сам факт слежки».

Но тайна маячков была раскрыта. Никифоров и его помощники со всеми мерами предосторожности в гараже военного атташе снимали маяки, осматривали их, фотографировали и возвращали назад.

Теперь у них было оружие противодействия. А поскольку американская «наружка» часто подключала радиомаяк к электропитанию автомашины через плавкий предохранитель, в нужный момент (к примеру, во время проведения операции) наши разведчики заменяли этот предохранитель на неисправный. После проведения операции прежний предохранитель возвращался назад. Если же сделать это по каким-то причинам не удавалось, неисправный предохранитель оставался на своем месте. Со временем американцы сами его заменяли. Что поделаешь, перегорел.

Мы уже упоминали, что американские спецслужбы были большими мастерами по устройству провокаций, шантажа. Этот случай достаточно известен в кругах военных разведчиков старшего поколения, однако с ним не знаком наш читатель. А он, кстати говоря, очень красноречиво повествует, какими «демократическими методами» действовали американцы.

Но рассказываю я об этом только потому, что Александр Никифоров оказался непосредственно причастен к спасению нашего офицера.

А иначе как спасением эту историю и не назовешь. Дело обстояло так. Американские спецслужбы разработали коварную спецоперацию. В основе ее лежало жгучее желание склонить помощника военно-морского атташе Советского Союза в США И. Амосова к предательству. Они использовали сложную ситуацию, сложившуюся в семье офицера. Жена Амосова была беременна. Протекала беременность тяжело, положение ребенка в утробе матери вызывало опасение медиков, словом, женщина нуждалась в медицинской помощи в стационаре.

Об этом пронюхала американская контрразведка. Агенты вели себя нагло и бесцеремонно. Амосов был взят под плотное и жесткое наблюдение, «контрики» делали ему предложения предать Родину, не возвращаться в Советский Союз. Однако офицер отвергал домогательства. И тогда американцы перешли к прямым угрозам. Агент спецслужб заявил Амосову: «У вас два варианта – если останетесь в США, будете иметь счастливую семью: жену и ребенка, если откажетесь – потеряете и жену, и ребенка».

Но запугать разведчика не удалось. «Не тратьте время, господа, ваши надежды никогда не сбудутся!» – ответил тогда Амосов.

Разумеется, все, что происходило с нашим офицером, было под постоянным контролем резидентуры, докладывалось послу и непосредственно в Москву. Семья Амосова переехала в другой дом, где проживало несколько семей советских сотрудников. У жены дежурил врач посольства, сам офицер находился под охраной офицеров резидентуры.

В спецоперации по противодействию американской контрразведке по спасению Амосова и его семьи принял участие и подполковник Александр Никифоров. У него были свои методы, и они оказались весьма эффективными. С его помощью стали известны многие грязные планы и намерения американцев.

Комплекс мероприятий, проведенный нашей вашингтонской резидентурой, дал возможность сорвать замысел американских спецслужб, а Амосову благополучно возвратиться на Родину.

Что ж, причастностью к такой победе можно гордиться. Однако у подполковника Никифорова были и другие победы. Как-то обобщив сведения, полученные от своих источников, Александр Никифорович послал в Центр доклад, поскольку в его обязанности входило изучение численности и боевого состава Вооруженных сил США.

Сразу же после получения доклада его срочно вызвали в Москву. Из-за океана добираться не ближний свет, но тем не менее руководство решило разобраться с помощником

военного атташе. Оказалось, его доклад сильно разнится с докладом управления информации ГРУ. Генерал, пригласивший его на беседу, долго расспрашивал, откуда такие данные, а потом резюмировал:

– Так что, Никифоров, ты настаиваешь на своих цифрах, выводах? Уверен в них?

– Уверен, потому и настаиваю...

Генерал хмыкнул:

– А кто партбилет на стол выложит? Ты или я?

...Никифоров вернулся в США. Он не знает, выложил ли свой партбилет генерал, скорее всего, нет. Но в отставку вскоре ушел. А подполковник продолжал служить. Правда, служить ему в Америке оставалось недолго. Слишком много хлопот доставлял он американцам: то наладит отношения с генералом из оперативного управления Пентагона, то познакомится с личным врачом президента Эйзенхауэра. Пусть к тому времени в Белом доме сидел другой президент, и врач у него был другой, да и каких-то дурных намерений от этого знакомства они не заметили, тем не менее активность подполковника Никифорова утомляла контрразведку. И тогда они устроили изощренную ловушку помощнику военного атташе. Когда тот уехал в поездку, разумеется, с разрешения властей и под присмотром контрразведки, американцы объявили его персоной нон грата. Однако Никифорову об этом не сообщили. Наверное, решили посмотреть на поведение во время поездки, теперь ведь, лишённого дипломатического статуса, его могли ненароком побить, искалечить, оскорбить.

А он добирался из Аризоны в Неваду, Калифорнию, потом в Колорадо. Конечно же, эта поездка – не прогулка по Америке, а разведздание. И, несмотря на плотную опеку контрразведки, он его выполнил. Когда возвратился – обрадовали: он объявлен персоной нон грата. Ну что ж, собрал чемоданы и гуд бай, Америка.

В декабре 1955 года Никифоров уже был в Москве. Мог остаться в управлении, вернуться в родную службу спецрадиосвязи, но его попросили поработать в Военно-дипломатической академии. Посчитали, что опыт, который он приобрел в США, будет полезен молодым слушателям. Дали ему англо-американскую группу, преподавал он самый важный предмет – агентурную работу.

Пять лет отдал Александр Никифорович Никифоров преподавательской деятельности. Из его учебной группы вышло немало хороших разведчиков, многие обогнали своего учителя в должностях, в званиях, стали генералами.

В 1960 году полковника Никифорова позвал к себе генерал Иван Яковлевич Петров. Он возглавлял службу спецрадиосвязи ГРУ и предложил Александру Никифоровичу должность заместителя. Никифоров согласился.

В центре мирового шпионажа

В 1969 году в Ливане случилась трагедия: пятью выстрелами в упор был расстрелян резидент советской военной разведки полковник Александр Хомяков. Однако, несмотря на тяжелейшие ранения, резиденту чудом удалось выжить. Ливанские врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы спасти полковника, а через сутки специальным рейсом он был доставлен в Москву.

Но, как говорят на Руси, пришла беда, открывай ворота. В это же время у нашего военного атташе в Ливане полковника Ивана Пупышева заболела супруга, и он срочно убыл на Родину.

Советская военная разведка в этой стране, по сути, оказалась обезглавленной.

Человеку стороннему, не сведущему в делах разведсообщества, возможно, покажется странным столь пристальное внимание нашей разведки к этой маленькой стране. Все население Ливана в ту пору составляло около 2,5 миллионов человек. По сути, это один город Киев – столица Украины. Казалось бы, о чем тут говорить. Для огромного Советского Союза и его мощной разведки совсем не те масштабы. Оказывается, все обстояло иначе.

Агент ГРУ швед Стиг Берлинг (по некоторым источникам – Берглинг) в интервью одной из российских газет так охарактеризовал обстановку в Ливане: «Если бы вы видели Бейрут (столица Ливана) начала 70-х! Это был центр мирового шпионажа. Островок относительного мира в центре арабо-израильского конфликта. Каждая уважающая себя разведка держала там свою резидентуру, бары были полны шпионов. Самым престижным считался бар при гостинице “Сент-Джордж”. Обычных людей там не было – одни шпионы. Новичка наперебой угощали, стараясь выяснить, чем он может быть полезен и на кого работает. Все продавалось и покупалось».

Думается, Стиг Берлинг, который провел на Ближнем Востоке не один месяц своей службы, весьма точно охарактеризовал разведобстановку в Ливане. Да, действительно, там сошлись интересы разведок ведущих стран мира. Очень сильные позиции были у американцев. Как всегда, им противостояли советские разведчики.

Полковник Александр Никифоров в одной из наших бесед сказал: «С точки зрения разведки, Ливан – это трамплин в любую страну. Ливан располагается на пересечении путей из Европы в Азию и в Африку, из Америки – в остальной мир. Отсюда идет постоянный транзит по морю, по воздуху. Там и развернулась наша “битва с американцами”».

Остается добавить к словам Александра Никифорова, что резидент ГРУ Хомяков едва не погиб в этой «битве». Теперь его предстояло срочно кем-то заменить. Но кем? Ведь освободилось и место военного атташе. Это означало, что офицер, который приедет в Бейрут, должен стать и военным атташе, и резидентом ГРУ одновременно.

И им стал полковник Александр Никифоров. Девять лет прошло с тех пор, как он перевелся из академии в службу спецрадиосвязи. Теперь полковник вновь возвращался на оперативную работу.

Американцы не забыли его. К их большому неудовольствию, энергичный, хитроумный, опытный разведчик «Норман» (такой псевдоним присвоили Никифорову американцы еще во время его пребывания в США) вдруг неожиданно «всплыл» в Ливане. Подняв архивные документы контрразведки, они поняли: перед ними опасный противник. Неспроста четырнадцать лет назад «Нормана» объявили в Штатах персоной нон грата и постарались поскорее выпроводить из страны.

В свою очередь и полковник Никифоров, трезво оценивая обстановку, осознавал – американцы держат в Ливане аппарат разведки, как минимум в несколько раз превышающий

его резидентуру. Так, например, только военных атташе США в Бейруте было трое, а он – один. Да и аппарат у него по своему составу был весьма скромным.

Первое, что сделал Никифоров, – пересмотрел штат аппарата военного атташе. Сначала отказался от переводчика (языком он владел вполне успешно) и попросил Центр заменить его оперативным работником. Потом подобную процедуру проделал с водителем. Сообщил в Москву, что управлять машиной будет сам, а на освободившееся место предложил прислать еще одного оперативника. Таким образом, аппарат «прирос» двумя офицерами. А это уже заметная «прибавка в весе».

Многое из того, что сделал в Бейруте полковник Александр Никифоров, раскрыть сегодня, да и в ближайшие годы, вряд ли удастся. Но кое-что рассказать возможно. Например, о том же агенте Стиге Берлинге, которого арестовала израильская разведка Шин Бет. Было это в марте 1979 года, и руководил Берлингом совсем другой офицер ГРУ.

...Стиг спешил в аэропорт. Заказал такси, попросил шофера поторопиться. Он, объяснил таксисту, боялся опоздать встретить свою подружку. Но Стиг лукавил. Торопился он совсем не на свидание. В кармане у Берлинга лежал билет на самолет, улетающий в Копенгаген.

Шесть лет прошло с тем пор, как он начал работать на русскую разведку. В Париже Стига предупредили, чтобы не ездил в Израиль. Он не прислушался к совету. И вот теперь Берлинг надеялся как можно скорее исчезнуть из этой страны.

Но все пошло не так: водитель такси почему-то остановил машину у зала вылета, хотя Стиг ясно сказал, что спешит встретить прилетающую подружку. Потом он собрался позвонить в Стокгольм, но ему заявили, что международной связи нет. Неожиданно вспомнились начищенные до блеска ботинки таксиста. Такой блестящей обуви Стиг не мог припомнить у местных таксистов.

Берлинг не на шутку разволновался. Поспешил зарегистрировать билет и не мешкая прошел к стойке паспортного контроля. Улыбающаяся женщина-полицейский полистала его паспорт и попросила пройти с ней: мол, есть какие-то вопросы по оформлению документа. Она провела Стига коридорами аэропорта, остановилась у одной из дверей, постучала. Ей открыли. Берлинг вошел в комнату.

На стульях сидели трое мужчин. Один из них предложил Стигу присесть и пододвинул рюмку водки. Берлинг сказал, что с утра не пьет. Тогда другой мужчина с усмешкой спросил: «Разве в Советском Союзе не пьют так рано?»

Наконец, один из троих, видимо старший, сказал, что они сотрудники израильской контрразведки Шин Бет, и им все известно. Стиг молчал. Тогда старший уточнил: они знают, что господин Берлинг является агентом советской военной разведки и ведет работу против Израиля. Далее ему предложили продолжить беседу в номере отеля, если он согласится сотрудничать с Шин Бет, или в камере тюрьмы, в случае отказа. Стиг, недолго думая, выбрал отель. Старший из контрразведчиков наполнил рюмки водкой. На этого раз Берлинг не отказался.

Водка обожгла ему гортань, и Стиг вдруг вспомнил предупреждение Алекса о том, что на Ближнем Востоке шпионы нередко исчезают бесследно. Он даже представил свое безжизненное тело в контейнере для мусора...

Однако Стиг Берлинг не исчез бесследно. Более того, когда дело его получило широкую огласку, он стал одним из самых известных людей в Швеции. О нем много писали, говорили, спорили, называли «самым крупным и опасным шпионом» в истории страны.

Дело другого советского агента, полковника Веннерстрема, к тому времени уже порядком забылось, и журналисты «ухватились» за Стига. Надо признать, что к таким заявлениям прессу подталкивал и приговор, который был крайне суров, если не сказать – жесток. Суд приговорил советского агента к пожизненному заключению.

Так кем же он был на самом деле, Стиг Берлинг, – крупнейшим и опаснейшим шпионом во всей истории Швеции или, наоборот, как считали некоторые, авантюристом и болтуном, бахвальство которого и привело к пожизненному заключению, а то и вовсе жертвой заговора в шведской контрразведке (СЭПО), как писала газета «Дагенс Нюхетер».

Однако чтобы ответить на этот вопрос, следует прояснить ситуацию: почему, рассказывая о военном разведчике Александре Никифорове, мы вспомнили вдруг об агенте Стиге Берлинге? Оказывается, не вдруг. Тот самый «крупный и опасный шпион» как раз и был завербован полковником Никифоровым. Алекс, о предостережении которого во время ареста вспоминает Стиг, есть не кто иной, как резидент ГРУ в Ливане.

А теперь все по порядку.

...В мае 1996 года Стиг Берлинг написал свое пятое письмо на имя премьер-министра Швеции Иерана Перссона. Он отсидел в тюрьме уже более 10 лет и просил о помиловании. В этом послании Берлинг сравнивал свою шпионскую деятельность на военную разведку Советского Союза с работой Стига Веннерстрема. Разумеется, как всякий провалившийся агент, да еще отбывающий срок в тюрьме, он очень скромничал, доказывая, что возможностей по добыванию секретной информации не имел и потому вреда родной стране особо не нанес. Зато в сторону Веннерстрема кивал, доказывая, что тот сделал намного больше.

Никто не спорит – полковник Стиг Веннерстрем агентом был ценным и должности в Вооруженных силах Швеции занимал немалые. Он служил военно-воздушным атташе в Москве, потом в Вашингтоне, работал консультантом по вопросам разоружения в МИДе. Действительно, материалы и документы, которые он передавал в ГРУ, носили секретный и совершенно секретный характер и оценивались очень высоко. Следует согласиться, что и возможности у Веннерстрема были достаточно широкие.

А что же Стиг Берлинг? Неужто шведское правосудие допустило такую трагическую ошибку и приговорило к пожизненному заключению почти невинного человека? И по какому поводу неистовствовала пресса, пытаясь лепить из «пустышки» крупнейшего в истории страны шпиона?

Выходит, зря корпел над своей книгой «Враг врага» писатель Я. Гиллоу, выписывая характер главного героя Сандстрема – рубахи-парня, выпивохи, охотника за женщинами, в котором так угадывался Стиг Берлинг.

Нет, все обстояло, конечно же, иначе. Шведское правосудие не ошиблось, и пресса была недалеко от истины. Стиг Берлинг работал на советскую военную разведку и работал весьма эффективно. Да, он не занимал крупных государственных постов, и его служебный рост ограничился всего лишь званием капитана. Но, как говорят в разведке, не надо вербовать министра, достаточно, чтобы на нас работал скромный шифровальщик министерства.

Достаточно сказать, что в армии Стиг служил в полку береговой артиллерии, а через несколько лет, уже работая в полиции, поступил в элитный вуз – военно-морское училище в Нэсбю.

«Впервые в истории полицейский, – напишет позже о себе Берлинг, – стал слушателем престижного вуза, победив в большом конкурсе других кандидатов». Правда, после окончания училища ему не нашлось должности в армии, но образование Стиг получил основательное.

Потом в течение последующих лет он постоянно будет возвращаться в армию – проходить стажировку в 10-м танковом полку, учиться на курсах офицеров резерва, где проходил подготовку по разведке и безопасности в высшей военной школе в Стокгольме.

В 1971–1972 годах Стиг Берлинг работает в штабе обороны Вооруженных сил Швеции. Если его должность в полиции называлась всего лишь «криминальный ассистент», то теперь он был «первым чиновником». Да еще каким чиновником! Стиг трудился в отделе безопасности.

Это что касается армии. В полиции Берлинг тоже прошел немалый путь и обрел солидный опыт. Начав с рядового полицейского на участке Естермальм в Стокгольме, Стиг учился в высшей полицейской школе, служил в Главном полицейском управлении в отделе пикетов, в международном отделе, в паспортном контроле, в охране аэропорта. Так что и полицейскую службу он знал неплохо.

Не чурался он и отношений со спецслужбами. Еще в 1968 году, перед отъездом на Кипр в состав шведского батальона ООН, от сотрудников СЭПО он получил задачу: информировать их о незаконной деятельности шведского персонала войск ООН. И Стиг делал это добросовестно.

А по возвращении на Родину без особых проволочек он был зачислен непосредственно в штат СЭПО, в отдел контрразведки, который, кстати говоря, работал против СССР. В обязанности Берлинга входила слежка за сотрудниками советских диппредставительств в Стокгольме.

После очередной командировки он вновь в январе 1974 года возвратится в СЭПО.

Так что можно с уверенностью констатировать: Стиг Берлинг отлично изучил и работу шведской контрразведки.

И наконец, его деятельность за рубежом. В 1968 году служил в войсках ООН на Кипре в звании лейтенанта. В 1969–1970 годах – шеф военной полиции шведского ООНовского батальона, в 1972–1973 годах Берлинг – военный наблюдатель на Ближнем Востоке, уже капитан, следующий 1974 год он проводит тоже на Ближнем Востоке, заключив контракт с транспортной службой ООН. Таким образом, Стиг Берлинг за время своих командировок прекрасно изучил Ближний Восток, Кипр, посетил другие страны, такие как Эфиопия, Танзания, Кения.

Возникает естественный вопрос: какая же разведка не обратит внимание на человека с таким жизненным и профессиональным опытом? Кстати говоря, советские военные разведчики были не первыми, кто привлек Берлинга к работе.

Еще в 1968 году, в свою первую командировку на Кипр он познакомился с военным атташе США полковником Гильдерсливом, и даже просил его содействия в поступлении на службу в армию США. Однако из этого ничего не получилось.

В 1969–1970 годах, опять же на Кипре, будучи шефом военной полиции шведского батальона ООН, он поддерживал тесные контакты с западными разведслужбами, особенно с английскими СИС и МИ-6. Выполнял их задание, совершая морское путешествие на советском туристическом лайнере «Украина». Следил за британским военнослужащим.

Однако по-настоящему завербовать Стига Берлинга удалось советским разведчикам и, в частности, полковнику Александру Никифорову.

В своих воспоминаниях Берлинг пишет: «Здесь все продавалось и покупалось, от ковров до орудий и ракет. Разведслужбы различных стран имели в Бейруте свои резидентуры, а разведчики действовали как с легальных, так и с нелегальных позиций. Этому способствовало то, что ливанская служба безопасности практически не чинила им препятствий.

Некоторые разведслужбы пытались открыто вербовать офицеров войск ООН, так как именно они имели право неограниченного передвижения в регионе и посещения различных военных и закрытых объектов и территорий. Прежде всего, этим занимались американцы.

Примечательно, что американские офицеры-наблюдатели не имели разрешения на посещение территории Сирии, а советские наблюдатели ООН, находившиеся в Сирии и Египте, не могли посещать Ливан и Израиль».

Далее Стиг Берлинг рассказывает, как он сам, инициативно, обратился к советским дипломатам и предложил свои услуги.

«В период службы в Бейруте, – рассказывает Берлинг, – я неоднократно слышал, что в советском посольстве работает очень симпатичный и активный военный атташе, который

имеет контакты с персоналом ООН. Выяснил его имя – Алекс, узнал, что он был объявлен персоной нон грата в США.

Октябрьская война заканчивалась, и я решил, что имею все основания встретиться с советским военным атташе».

Алекс, как называет его Стиг, или Александр Никифоров трактует те события несколько по-иному.

«Я Берлинга заметил давно. Он общительный, хотя в кругу разных людей нередко говорил такое, что ему, как офицеру ООН, говорить не положено. Это нацелило меня на него. Как-то на приеме подошел к нему, предложил встретиться, поговорить. Он не отказался.

Откровенно говоря, для меня Стиг был очень важен. Он входил в разные места, как офицер ООН».

Так или иначе, они встретились, и Берлинг начал работать на военную разведку Советского Союза.

Уже вскоре после первой встречи Стиг предложил некоторые документы.

– Они в Бейруте? – спросил Никифоров.

– Нет, в Стокгольме, хранятся в сейфе одного из банков. Но я могу доставить их сюда, если вы заинтересованы, – ответил Берлинг.

– Мы заинтересованы, – подтвердил атташе.

На следующий день Стиг приобрел билет на самолет и вылетел в Стокгольм. Там в банке на улице Эрик Дальбергсгатан забрал из сейфа документы, заехал на квартиру и вскоре отправился обратно в аэропорт Арланда. Через Копенгаген, Амстердам и Будапешт возвратился в Бейрут. И тут узнал, что как раз в тот день, когда он находился в Стокгольме, умер его отец. Но возможности лететь обратно в Стокгольм уже не было.

Документы он передал Никифорову.

Через неделю состоялась их новая встреча на квартире Алекса. Стиг познакомился с женой атташе – Татьяной. Никифоров сказал, что Москва довольна полученными материалами и надеется на дальнейшее сотрудничество. Затем вручил Стигу 8 тысяч ливанских фунтов, что соответствовало 18 тысячам шведских крон.

Позже Берлинг напишет, вспоминая эту встречу:

«Моя тайная жизнь началась. Теперь я стал настоящим шпионом».

«Я всегда за твоей спиной»...

...1973 год подходил к завершению. Заканчивалась командировка Стига на Ближнем Востоке. Вскоре ему предстояло убыть на Родину. Но для Александра Никифорова Берлинг необходим был в Бейруте. В ноябре они встречались несколько раз, обсуждали перспективы сотрудничества. Выход был найден. Договорились, что Стиг возвращается в Швецию, оформляет отпуск, подает заявление в Женеву с просьбой на работу по линии ООН.

Так он и сделал. В начале января нового 1974 года Стиг вышел на службу в СЭПО, а уже 22 января выехал на машине обратно в Бейрут.

Через неделю Берлинг позвонил Никифорову. Они встретились. Александр был рад возвращению агента. «Однако время шло, – скажет потом Стиг, – а ответа из Женевы не было. За время вынужденного бездействия мы сблизились с Алексом. Мы стали действительно друзьями».

Чтобы подтолкнуть контракт с транспортной службой ООН, Берлингу пришлось слетать в Женеву. Проблема разрешилась. Стиг получил дипломатический паспорт ООН и мог беспрепятственно передвигаться по всему Ближнему Востоку. В его обязанности входило сопровождение большегрузных автомашин в Ливан, Иорданию, Израиль.

Теперь Стиг имел широкие возможности для разведработы, и нет сомнения, вместе с полковником Никифоровым они сделали бы многое, но судьба распорядилась по-своему.

Александра Никифоровича и его супругу постиг неожиданный и страшный удар – в Москве при родах умерла их единственная дочь. Ребенка удалось спасти. Предстояло срочно возвратиться домой и заняться внуком. Кстати говоря, Никифоровы воспитали внука как собственного сына, но горечь утраты всю жизнь преследовала их. Как истинный военный, боевой офицер, Александр Никифорович не любил жаловаться, но однажды с горечью признался: «Моя жизнь – бесконечные командировки. Помотался по свету порядком. Дочь потерял. Будь я в Москве, а не в далеком Бейруте, все было бы по-иному».

Возможно и так. Кто знает? Но тогда ему пришлось попрощаться со Стигом и передать агента другому офицеру.

«Алекс сообщил, что завершает свою командировку в Ливане, – напишет в своих воспоминаниях Берлинг. – Для меня это было неожиданно и тяжело. Инстинктивно я чувствовал, что с новым руководителем будет хуже. На мои комментарии Алекс заметил: “Не беспокойся, Александр Никифоров всегда за твоей спиной”».

Скорее всего, эти слова были сказаны, чтобы успокоить Стига, настроить на перспективную работу. В конце концов, резидент военной разведки в Ливане потратил немало сил на то, чтобы заполучить такого агента. Теперь этот агент должен был хорошо потрудиться, пусть не с ним, под руководством другого разведчика, но во имя и во благо их родного государства.

Вряд ли полковник, покидая Бейрут, рассчитывал когда-нибудь еще встретиться со Стигом Берлингом. В 1979 году Никифорову исполнялось 55 лет, и он уходил в запас. Но слова: «Я всегда за твоей спиной», как ни странно, оказались пророческими.

Стиг Берлинг неплохо поработал, особенно по военным объектам Израиля, таким как военно-воздушные базы, научные учреждения. Например, по секретной лаборатории биологического оружия. «Как-то в туалете на одном дипломатическом приеме, – рассказывает в своем интервью Берлинг, – Сергей Ермолаев (он принял на связь Берлинга у Никифорова. – Авт.) передал мне записку. Там было написано: “Сверхсекретная лаборатория Несс Зиона, ЦРУ, но ведут дела израильтяне. Исследования биологического оружия”».

Мне предлагалось съездить в этот городок и разузнать о лаборатории подробнее. Легче сказать, чем сделать. Но я все же отправился туда. Подъехал к ограде с надписью: “Ness

Ziona Research Institute». Выходит охранник, я представился исследователем из Каролинского института в Стокгольме, сказал, что хотел бы поговорить с кем-нибудь из коллег... Прием глупый, но именно потому, возможно, и сработал.

Охранник попросил подождать в комнате для гостей, позвонил куда-то, ко мне явился ученый, похожий на молодого Эйнштейна. Ему я сообщил, что мой брат работает в Каролинке, хотел бы завязать научные контакты. Эйнштейн жутко заинтересовался. Весь научный мир, связанный с медициной и биологией, знает, что Каролинка выдвигает на Нобелевские премии, и этот парень решил, что такой полезной связью нельзя пренебрегать...

Он притащил целую кипу бумаг. В том числе отчет о годовой деятельности института! Он рассказал, что они экспериментируют с африканскими болезнями.

Когда я привез Сергею документы, он был поражен...»

Стиг Берлинг продолжал работать на военную разведку Советского Союза и после своего возвращения с Ближнего Востока в конце 1974 года. Тем более, что он опять трудился в шведской контрразведке. И, судя по всему, делал это неплохо. В 1976 году он получает повышение по службе – теперь Стиг начальник группы контрразведки, работающей против СССР. Отныне все доклады, сообщения по этой теме проходят через него.

Вскоре такое сообщение заставило его порядком понервничать. В одном из документов он прочел: «Советский военный атташе в Стокгольме полковник Георгий Федосов планирует перейти на сторону НАТО». Более того, Берлингу и его подчиненным предписывалось не препятствовать выезду советского атташе из столицы.

«А если атташе что-то знает об агенте Берлинге?» – возник закономерный вопрос, и Стига прошиб холодный пот.

Переход Федосова на Запад планировался на 7 мая. Отправлять письменное сообщение не было времени, ехать в ГДР, где находился теперешний его куратор, далеко, да и небезопасно, об обращении в советское посольство в Стокгольме не могло идти и речи.

Стиг решил двинуть в Польшу. Прикинувшись больным, взял билет до города Юстада, затем пересел на паром до Польши. В Варшаву прибыл 6 мая, приехал в советское посольство.

Его приняли. Капитан, помощник военного атташе, сказал, что с ним будет беседовать представитель Центра. Стиг обо всем рассказал этому представителю, показал копию телеграммы, которую привез с собой из СЭПО.

...По возвращении в Швецию Берлинг узнал, что советского военного атташе неожиданно арестовали, и на ближайшем самолете «Аэрофлота» он был отправлен в Советский Союз.

До марта 1979 года, когда Берлинг окажется в руках агентов Шин Бет, остается еще три года. Стиг успеет поработать в СЭПО, послужить сменным начальником полиции в аэропорту «Арланда», пройти курсы военной полиции в Дании, и уезжает в штаб-квартиру ООН в Египте. Будучи начальником военной полиции, он вновь обретает право свободного передвижения. Посещает Иерусалим, Бейрут, провозит контрабандой золото. В это время он замечает за собой «хвост». После окончания командировки в Египте уже в Европе, в Брюсселе, снова «вскрывает» слежку. Его очередная подружка Тамар Голан, израильская журналистка, признается: ее допрашивали в Моссаде, интересовались их отношениями. Она советует Стигу не ездить в Израиль.

Далее события развивались так: допросы в израильских спецслужбах, возвращение в Швецию, суд, пожизненное заключение.

Первые три года Берлинг провел в камере-одиночке, как особо опасный преступник. У него начались психические расстройства, он неоднократно лежал в тюремном лазарете, лечился в психбольнице, протестовал против такого жестокого содержания, объявлял голо-

довку, но его упорно держали в одиночке. Такой режим содержания предписывала его бывшая «контора» – СЭПО. Она же строго следила за исполнением этого режима.

Только через пять лет, в 1984 году, он был переведен на содержание общего режима, получил возможность общаться с заключенными тюрьмы в г. Норрчёнинг. На следующий год Стига стали отпускать из тюрьмы на свидания с матерью. Однако при этом контрразведка всегда очень пристально следила за его передвижениями.

В 1986 году Берлинг стал планировать побег в Советский Союз.

Когда-то один из его руководителей заверил Стига, что ГРУ никогда не бросает своих агентов. Что ж, теперь Берлинг решил проверить правдивость этого заявления. Он не знал, где находится его первый резидент Алекс, чем занимается, но верил: Никифоров всегда за его спиной.

Побег Стиг планировал совершить во время суточного увольнения либо из квартиры матери, либо из дома своей нынешней подружки Элизабет. К лету 1987 года он уже подумал маршрут побега через Финляндию. Был еще один вариант – через Данию, ГДР, но Берлинг отказался от него. В этих странах существовал более строгий паспортный контроль.

Во время своих увольнений из тюрьмы Стиг хорошо изучил особенности наружного наблюдения у дома Элизабет. Можно считать, ему повезло: стационарных постов Берлинг не обнаружил. Это означало, что до момента обнаружения побега у него будет около 12 часов. Неплохая форта.

В это время он подает второе прошение о помиловании, но получает отказ. Такой ответ шведских властей окончательно утвердил его в правильности выбранного решения.

Вместе с Элизабет начали активную подготовку к побегу. Она приобрела контактные линзы, парик, скромную, неброскую одежду, коротковолновый приемник, арендовала три машины – «Форд-Эскорт», «Опель-Аскания», «Вольво-344».

5 октября Стиг получил увольнение. Его сопровождал надзиратель тюрьмы Янне Естер. Они добрались на такси до железнодорожной станции, потом на поезде от Норрчёнинга до Стокгольма. Остановились в гостинице «Англайс».

Берлинг сразу же определил слежку: две машины столичного отдела СЭПО заняли место на стоянке у главного входа в отель.

Из гостиницы Стиг отправился в сопровождении надзирателя на квартиру Элизабет. Потом надзиратель уехал, но к вечеру возвратился, чтобы сопровождать Стига и его подружку на ужин в ресторан. По дороге Берлинг заметил машины СЭПО.

После ужина они возвратились домой к Элизабет. В 23 часа Естер уехал. Следующая встреча была намечена на 13 часов завтрашнего дня. Сам Берлинг без надзирателя покидать квартиру не имел права.

Около часа ночи 6 октября переодетая, в парике Элизабет покинула квартиру. Она вышла из подъезда и двинулась к автомобилю «Вольво», который был припаркован в двух километрах от дома. Стиг наблюдал за ней. Ничего настораживающего не произошло, и тогда через 15 минут он спустился в гараж под домом и направился к выездным воротам, выходящим на другую сторону здания.

Выждав несколько минут, выбежал, замер у кустов. И вовремя. Совсем рядом стояли трое агентов контрразведки. Они обсуждали, почему Стиг не ложится спать. Берлинг забыл выключить на кухне свет.

Вскоре агенты ушли, и он продолжил путь. Элизабет ждала его в машине. Стиг издали осмотрелся, хотел было двинуться, но вдруг заметил машину СЭПО. Автомобиль остановился невдалеке от «Вольво», контрразведчики включили фары, но Элизабет сделала вид, что смотрит на подъезд соседнего дома, курит, ждет кого-то. Машина с контрразведчиками уехала, Стиг вышел из кустов и прошел рядом с автомобилем Элизабет не останавливаясь.

Это был заранее оговоренный сигнал: машина «засвечена», встречаемся у другого авто – «Опель-Аскания».

Вскоре он добрался до места парковки «Опеля», Элизабет ждала его уже за рулем автомашины. Они двинулись в сторону Грисслехамна, что примерно в ста километрах от Стокгольма. Оттуда утром уходил паром на Аландские острова.

Прибыв на Аланды, приехали в советское консульство. Здесь их встретил молодой дипломат, который очень разволновался, услышав, что Стиг – агент ГРУ и просит политическое убежище в СССР.

Вскоре из Хельсинки прибыл советский генконсул. Стиг вместе с Элизабет на пароме «Викинг Лайн» переправились в Новендаль, оттуда в Хельсинки. По дороге они услышали сообщение о своем побеге.

Их разместили в советском торгпредстве, и, пока повар готовил обед, накрывали на стол, Стиг рассказал помощнику военного атташе обстоятельства своего побега. По телевизору в это время тоже сообщали о побеге «крупнейшего шпиона» и говорили, что полиция оцепила район Юрхольм, обнаружила машину «Вольво», а стало быть, поимка Стига Берлинга – дело времени.

В последующие дни по телевидению, радио Стиг и Элизабет слушали, как полицейские чины рассказывали об успехах в их поимке. Тиражи шведских газет сильно выросли за одни сутки. Теперь они только и делали, что писали о государственном преступнике, шпионе и враге Швеции номер один Стиге Берлинге. «Его нужно взять живым или мертвым», – заявил один из полицейских чиновников.

Четыре дня находились они в посольстве. Перед отъездом Элизабет вручили советский дипломатический паспорт, на Стига документы не готовились, его собирались вывезти в багажнике автомобиля.

Операция началась. Посольские машины стали выезжать и въезжать с повышенной частотой. «Хонда», в которой сидел водитель, военный атташе с супругой и Элизабет, также выехала в этом потоке машин. Стиг расположился в багажнике. В его распоряжение предоставили подушку и одеяло. Так что ему было вполне комфортно.

Через некоторое время, уже за городом, Стиг пересел в салон. За пять километров до границы он вновь занял место в багажнике. Пограничный контроль прошли быстро и спокойно. Уже на советской территории автомобиль остановился, военный атташе открыл багажник и молча вытащил портфель. Стиг похолодел. «Сейчас убьют», – подумал он.

Но полковник с легким поклоном вынул из портфеля бутылку водки, разложил на капоте закуску.

Холодной октябрьской ночью состоялся этот необычный пикник. Все были возбуждены, смеялись. Атташе наполнил бокалы и сказал: «Добро пожаловать в Советский Союз, Стиг!» Берлинг почувствовал, как перехватывает горло и влажнеют глаза.

Так агент военной разведки бежал из тюрьмы и оказался в Москве. Здесь его встретил генерал ГРУ. Их поселили в большой квартире. За ними ухаживала домработница, а холодильник был забит отборными винами, шампанским, деликатесами: вырезкой, икрой, лососем.

Вскоре им сделали советские паспорта. Он – Ивар Страутс, рожденный в Риге, они – Элизабет Страутс, из Клайпеды. По легенде ГРУ, семья переехала из Прибалтики, из района, где был совершенно утрачен русский язык.

«На семью выдавалось 350 рублей в месяц, – напишет позже Стиг Бирлинг, – что вполне хватало. Такой уровень имели генеральские семьи. Деликатесные продукты всегда были на столе, причем в основном зарубежного производства».

А однажды дверь квартиры открылась, и на пороге предстал... Александр Никифоров. Это была встреча! Старые друзья обнялись. Александру Никифоровичу было уже 68

лет, он страдал болезнью Паркинсона, но мужественно скрывал это. Сбылось его собственное предсказание: жизнь сделала фантастический кульбит – Никифоров вновь был рядом со своим агентом.

Вчерашние агенты – люди сложные. Завербованные там, на Западе, многие из них лишь отдаленно представляли жизнь в Советском Союзе. Да и представления были, как правило, далеки от истины. Попадая в страну, которой служили, ради которой работали, они оказывались в другом мире. Неведомом, незнакомом. Родственники, друзья остались там, куда уже нет возврата. Дело, подобающее их образованию, опыту, интеллекту, найти было очень трудно. Многие из них не знали русского языка. Как их вписать в советскую действительность? Особенно если эта действительность конца 80-х годов прошлого столетия. Ведь речь идет о горбачевском времени с его пустыми прилавками, обозленными тяготами и невзгодами людьми.

Вот в такую жизнь и предстояло Никифорову «внедрить» своего бывшего агента. Думаю, это было намного сложнее, чем из ООНовского офицера сделать агента советской военной разведки.

Не забудем, что к тому времени Никифорову уже под семьдесят, и он действительно серьезно болен. Откажись, сошлись на возраст, состояние здоровья (а это вполне соответствовало действительности) – его бы поняли, поручили бы Берлинга молодым коллегам. Но он не отказался. «Это ведь мой агент», – признается однажды Александр Никифорович в разговоре со мной.

Поняла, поддержала мужа и Татьяна Ивановна.

А проблем было немало. Кроме сугубо бытовых (а они в ту пору решались крайне сложно) – хорошего питания, благоустроенного жилья, подбора одежды для самого Стига и особенно для Элизабет – возникал естественный вопрос, где их поселить на постоянное место жительства, чем занять. Ведь они не говорят по-русски. Поэтому после первых их встреч Алекс сказал Стигу: «Теперь займемся вашим будущим». А пока, откровенно говоря, занять Стига и Элизабет было нечем. Алекс иногда давал Берлингу для перевода какие-то справки об австрийской пенсионной системе, инструкции по шведским лекарствам. В конце концов, Берлингу это надоело, и он сказал Никифорову: «Должно найтись более серьезное занятие в соответствии с моими знаниями». Никифоров это понимал, но поделать ничего не мог.

Они встречались семьями, ходили вместе в цирк.

В своих воспоминаниях Берлинг напишет, что интересной поездкой стало для них посещение Загорска. Но чего стоила эта «интересная поездка» для Никифорова!

После осмотра прекрасных церквей Загорска Стиг и Элизабет, естественно, захотели перекусить. Понятно, в Швеции это обычное дело. Но у нас в горбачевские времена – большая проблема.

«Пришли мы в закусочную, – рассказывал мне о той поездке Никифоров, – а там пустые полки, водка в разлив, вобла с загнутыми хвостами. Ею хоть гвозди забивай. Да еще яйца вкрутую. Вот такая наша жизнь».

Пошел я искать что-нибудь, встретил священника, объяснил, мол, нельзя ли купить покушать, со мной иностранцы. Сжалился батюшка, отвел в трапезную. Там удалось купить несколько пирожков».

Что и говорить, к такой жизни Берлинг и Элизабет привыкали трудно.

Однако надо было заниматься будущим агентов. Сначала решили показать им Прибалтику. Никифоров сопровождал их в поездках по Эстонии, Латвии, Литве. Позже, летом, еще один визит в Латвию, в Ригу, отрабатывали легенду четы Страутсов. Когда-то настоящий Ивар Страутс жил в Латвии, но исчез по время войны. Теперь Стиг вместе с сотрудником ГРУ искал свои «корни»: они были у дома, где жил Ивар, делали снимки, изготавливали фото

семьи, свадебных торжеств, школы, где он учился. Стиг заучивал даты, имена, адреса. Алекс проверял Стига, заставлял работать, пока тот не усваивал мельчайшие подробности легенды.

Потом они уезжают в Литву, в Клайпеду. Теперь «оживляют» легенду Элизабет.

Однажды после возвращения в Москву их спросили: «Где бы вы хотели жить?» Стиг ответил, что в Венгрии или в ГДР.

В сентябре 1988 года Стиг и Элизабет в сопровождении Никифорова и его жены Татьяны выезжают в Венгрию. Они поселились в Будапеште. Поначалу все шло неплохо, но потом отношения с соседями испортились. Прямо напротив балкона их квартиры появилась надпись: «Страутс, еврейская свинья. Русские евреи, убирайтесь домой».

Иногда в Будапешт к ним приезжал Алекс.

Тем временем обстановка в Венгрии осложнялась, и ГРУ начинало беспокоиться за безопасность Стига и Элизабет. 9 ноября на советском военном самолете они вылетели в Москву. Их новая квартира располагалась на улице В. Ульбрихта. Вскоре получили новые паспорта. Теперь они были Артуром и Эммой Шнайдер, немцами Поволжья.

Опять встречались с Алексом и Татьяной. У Стига и Элизабет была новая служанка и деликатесы со склада ГРУ. Но денег уже не хватало. Вскоре Берлингу поднимают зарплату до 500 рублей в месяц.

Наступает 1990 год. Принято решение о выезде Стига и Элизабет за границу. Куда? Им предлагают три страны: ЮАР, Египет, Ливан. Берлинг останавливается на Ливане. Начинается подготовка к отъезду. Вновь идет работа по легенде. Теперь Стиг – выходец с Британских островов, воевал в Родезии, был ранен. С Элизабет они познакомились в госпитале, где она работала санитаркой.

«23 ноября 1990 года, – напишет потом Берлинг, – квартира была полна генералами, которые давали советы, шла погрузка багажа. Алекс предупредил меня воздержаться от контактов с западными посольствами, в противном случае ГРУ ничем не сможет помочь.

Я понимал, что Алекс сыт по горло заботами обо мне и Элизабет...»

Да, это действительно так. Три года полковник в отставке Никифоров старался накормить, напоить, одеть, обуть, развлечь, найти занятие, поселить своего бывшего агента и его гражданскую жену. Это было целое оперативное мероприятие, которое не так уж часто проводят наши спецслужбы. Ко времени убытия Стига и Элизабет в Ливан Александру Никифоровичу исполнился 71 год.

Хотел было написать, что это последняя, заключительная спецоперация военного разведчика, но на всякий случай решил проверить. Спросил об этом самого Никифорова. Тот улыбнулся, вытащил из шкафа коробочку, открыл. На красном сукне лежал орден Мужества.

– За прошлые заслуги, Александр Никифорович?

Он молча выложил на стол еще несколько орденов – два Красной Звезды, Отечественной войны.

– Вот эти – за прежние заслуги, а Мужества – за нынешние.

Право, странно слышать такое. Передо мной сидел человек, которому было за восемьдесят. Видимо, Александр Никифорович почувствовал мое замешательство и постарался успокоить.

– Орден Мужества мне вручил помощник Президента России в 1998 году.

– За что? – не удержался я, в ту же минуту осознавая несусветную глупость своего вопроса. Ни одна мышца не дрогнула на лице старого, мудрого разведчика.

– За выполнение специального задания Главного разведывательного управления.

Что ж, теперь, по крайней мере, все стало на свои места. Остальное – государственная тайна. Пока.

Тюрьма в стране тюльпанов

Тот апрельский день в Амстердаме выдался на редкость весенним. Для голландцев он был обычным, будничным днем, а вот для генерального представителя компании «Аэрофлот» в Нидерландах Владимира Глухова – праздничным. Шесть лет назад 12 апреля полетел в космос советский человек Юрий Гагарин, первый землянин.

В эту великую победу нашей науки и техники внес свой вклад и он, Владимир Алексеевич Глухов. Во всяком случае, так было сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Красной Звезды по итогам первого полета человека в космос. Правда, на указе стоял гриф «секретно», и потому о нем не знали не только голландцы, но даже его коллеги, сотрудники представительства «Аэрофлота».

Так что праздник был скорее семейный. Вечером с женой они непременно бы его отметили, но пока на дворе стояло утро – солнечное, ясное, и Владимиру Глухову предстоял долгий, хлопотный рабочий день.

После завтрака Владимир Алексеевич уже собрался спуститься к машине и отправиться в представительство, да жена попросила зайти к молочнику. Лавка молочника находилась рядом с их домом, в пятнадцати шагах. Набросив на плечи плащ, Глухов вышел из дома.

На улице было тихо и дремотно. Генпредставитель вспомнил Москву. К этому часу столица уже гудит, как улей, бежит, спешит. А тут жизнь словно остановилась, замерла. Но это только кажется. Уж он-то знает старушку-Европу. В Голландии скоро без малого три года. Все здесь делается, крутится-вертится, правда, без родного ухарства, без извечной русской «эй, ухнем», однако не хуже нашего. А, признаться, зачастую и лучше. Размеренно, основательно, планоно. Что поделаешь, такие уж, видимо, у нас разные характеры: русский никогда не станет голландцем, голландец – русским.

Владимир Алексеевич отмерил привычных пятнадцать шагов, потянул дверь магазина и вдруг почувствовал: холодок, предвестник тревоги, пробежал по спине, между лопаток и утих где-то на затылке, в волосах.

Глухов знал этот холодок. Интуиция еще никогда не обманывала его. Он оглянулся уже на пороге. Нет, ничего необычного. Улица, залитая весенним солнцем, редкие прохожие, те же, что и каждый день, машины, припаркованные у обочины дороги. Разве что новый, незнакомый черный автомобиль с тонированными стеклами, замерший на полпути от дома до лавки молочника. Глухов заметил его еще из окна своей квартиры. Да мало ли кто приехал и оставил автомобиль?

Он вошел в лавку, поприветствовал молочника, у которого каждое утро покупал творог и молоко, и только теперь понял причину своей тревоги. С другой стороны магазинчика, на улице, у витрины увидел высокого, крепкого, но очень напряженного мужчину, который всем своим видом старался казаться случайным прохожим, якобы поджидавшим своего опаздывающего товарища.

«Это слежка...» – мелькнула мысль. Он не мог ошибиться. Глухов купил молоко, яйца и вышел из магазина. Но не успел сделать нескольких шагов, как услышал за спиной быстрые шаги, сопение и кто-то крепко обхватил его сзади за руки и туловище.

Первая попытка освободиться не дала результатов. Молоко, яйца упали на тротуар, он почувствовал, как ему сгибают голову вниз.

«Ах, мать твою, – в душе взорвалось возмущение, и в следующую секунду он осознал: его грубо вяжут. Без предъявления обвинений, не представившись, не предъявив документов. – Да вы бандиты! А с бандитами говорят по-другому».

Первый ответный удар он нанес каблуком ботинка тому, кто обхватил его за туловище и руки. Хороший получился удар. «Смачный», как сказали бы на Украине, где он учился в военном авиационном техническом училище. Башмак был новый, качественный, голландский, каблук крепкий, острый, как нож. Он вошел в плоть ноги нападавшего, разрубив ее до кости. Словом, приложился от души. Голландец взвыл, как дикий зверь, и отпустил захват.

Однако освободиться генпредставителю не дали, навалился один, другой, третий. Потом оказалось, в его аресте участвовали одиннадцать голландских контрразведчиков.

Глухов ударом в челюсть свалил одного. Хрустнула коленная чашечка у другого, и тот с перекошенной от боли физиономией отполз на обочину дороги. Но Владимира Алексеевича уже мутузили со всех сторон. Разорван плащ, и он валялся на асфальте, брызнули дождем оторванные пуговицы с пиджака, последней сорвали рубашку.

Владимир Алексеевич остался по пояс голый. Напавшие заломили правую руку и пытались надеть наручник, второй – на запястье контрразведчика. Только вот хиловат оказался голландский «контрик» супротив Глухова. Раскрутил он «контрика» вокруг себя, да так, что тот едва удержался на ногах. Однако силы были неравные. Они все-таки теснили Владимира Алексеевича к машине.

В это время испуганная жена молочника бросилась в дом Глуховых сообщить, что какие-то неизвестные люди напали на хозяина.

Мария Михайловна, не задумываясь, выскочила защищать мужа. Она прыгнула на спину одному из «контриков» так, что у того пиджак слетел через голову. Ее тут же схватили несколько человек, один стал душить за горло, прижал лицом к капоту машины.

С тех пор прошло сорок лет, но этот момент Владимир Алексеевич не может вспоминать без слез. Однажды в разговоре он скажет мне: «Стоит эта картина до сих пор перед глазами. Мне очень жалко стало ее тогда. Как бесчеловечно повели они себя с женщиной».

Злость подкатила к горлу. Сколько хватило сил, Глухов отбивался от нападающих «контриков», однако его затолкнули в машину. Автомобиль рванул с места. Последнее, что увидел Владимир Алексеевич, – жену, неподвижно лежащую на тротуаре.

Контрразведчики держали его за руки, за горло, были свободны только ноги. В молодости Глухов много и успешно занимался лыжным спортом, ноги у него тренированные, сильные. Приходили мысли одним ударом ног выбить руль из рук водителя. Но это была бы явная смерть. Скорость, с которой летел автомобиль, – 140 км/час, да еще голландская дорога, по которой ехали, шла по возвышенности. С обеих сторон овраги метров в восемь – десять.

Решил пока не делать этого. Опять же в горячке драки времени подумать не было, но теперь, слегка отдышавшись, задался вопросами: «Где прокололся? Что они имеют на меня?»

Ответ, как говорится, отрицательный. Но тогда жгло другое, которое вовсе нечем крыть! «Просто так не арестовывают. Да еще нагло, по-хамски, бандитскими методами. Нет, чтобы вести себя так, голландским “контрикам” нужны основания. Но какие у них основания? Значит, что-то есть. Но что, что?..»

В этот момент он мог успокоить себя только одним: «Потерпи еще немного, Володя. Основания, надо думать, тебе скоро предъявят».

Голландия – страна маленькая, минут сорок в дороге, и перед ними распахнулись ворота тюрьмы. «Контрики» вытащили Глухова из машины. Судя по всему, там, на улице, они явно были не готовы к такому яростному его сопротивлению. Первым делом стали

осматривать свои раны. А посмотреть было на что – разрубленные голени, лиловые в подтеках колени, синяки под глазами, порванная одежда.

Пожалев себя, контрразведчики принялись за арестованного. Его подвесили за руки на высокую скобу в стене, почитай, на средневековую дыбу, раздели, сняли брюки. Откровенно говоря, Глухов подумал тогда: «Сейчас вломят за все синяки и раны».

Однако, тщательно обыскав, бить не стали. И только теперь предъявили ордер на задержание, в котором указывалось, что он, Глухов Владимир Алексеевич, обвиняется в шпионаже против Голландии.

Потом сняли с дыбы и отвели в камеру-одиночку.

За спиной захлопнулась дверь, и Глухов вдруг почувствовал, как страшно устал за это утро. На грудь давила непомерная тяжесть, мешала дышать, он прислонился в стене, медленно осел на пол. Мысли путались, пытался остановить дрожь в теле, не получалось.

«Шпионаж...» – стучали в висках слова переводчика, зачитывающего текст ордера. «Государственный преступник...» Надо было успокоиться, взять себя в руки. Но не хватало сил подняться с пола.

«Провал. Ясно было, что это провал. Но где он ошибся, где прокололся? Почему не почувствовал слежки? Время от времени наружка, конечно, повисала на хвосте. Но все как обычно, в пределах нормы. Ни ажиотажа, ни усиления интереса к себе не заметил. В том-то и дело, что не заметил. Но это совсем не значит, что ее не было».

Он устало прикрыл ладонью глаза. Свет в камере был такой яркий, что пробивался сквозь ладонь, проникая под закрытые веки, словно пытался выжечь яблоки глаз.

«Что ж, неплохой метод психологического давления. Держись, Володя, – усмехнулся он про себя, – сколько подобных сюрпризов тебе еще уготовано».

Глухов поднялся с пола, подошел к столу, машинально подвинул к себе табурет. Рука ощутила непонятную тяжесть. Пригляделся. Ай да голландцы... Ай да засранцы. Табурет был сколочен из кривых, неструганых досок, сбит кое-как, сидеть на нем, видать, жестко и неудобно. Только ведь нас нестругаными досками не удивишь, господа.

Владимир Алексеевич опустил на табурет, если его можно было таковым назвать, и вновь попытался вернуться к анализу своей работы, особенно в последние месяцы.

Анализа не получалось. В голову лезли какие-то совершенно посторонние мысли. То вдруг всплывало из небытия лицо районного военкома из родного городка Александровск, что в Пермском крае. Он устало, по-отцовски глядел на девятиклассника Вовку Глухова и охрипшим голосом давил из себя слова: «Ты, парень, не спеши, заканчивай школу. Война только началась, и на твою долю хватит». Или ни с того ни с сего в ушах звучал голос диктора с давних лыжных окружных соревнований: «Команда номер тридцать девять закончила третий этап». А следом – хохот его друзей-офицеров по лыжной сборной Харьковского военного авиационного технического училища. Они уже финишировали, а кто-то в судейской коллегии решил, что прошли только очередной этап. Настолько далеко позади оставили своих соперников.

Он давно уже забыл военкома из сорок первого года, лыжные гонки сорок восьмого и много лет не вспоминал их. А тут, поди ж ты, то ли от душевного потрясения, то ли еще от чего-то полезло из всех углов памяти. Не вовремя, не к месту.

Владимир Алексеевич опять возвращал себя к работе, но вспомнилась почему-то жена. Однако теперь он вряд ли мог пожаловаться, что воспоминание не по теме. Очень даже по теме.

Было это в 1955 году. Училище он окончил в 1954-м и попал служить в 43-й истребительный полк, что в Прибалтийском военном округе. И жена, доселе молчавшая, рассказала однажды случай, над которым он потом долго смеялся. Как теперь оказалось, зря.

Ей, тогда еще совсем молоденькой студентке, за всю стипендию в целых 30 рублей цыганка нагадала, что выйдет она замуж за красавца-военного, блондина, но жизнь у нее окажется непростой: много переездов, испытаний, а мужу будет грозить тюрьма на пять долгих лет.

Владимир Алексеевич тогда часто подшучивал над женой: мол, выманила цыганка всю «степуху», а теперь вон как обернулось. Правду, выходит, нагадала: и про блондина, и про военного, и про долгие дороги-переезды, не было до сих пор только тюрьмы. А теперь и тюрьма сбылась.

Глухов зябко повел плечами, встал, постучал в дверь камеры. Долго не открывали, потом дверь распахнулась. На пороге стоял тюремный чиновник в мундире, рядом – второй в штатском. Он оказался переводчиком.

– Я генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии. Я протестую. Требую пригласить посла Советского Союза или консула, – сказал Глухов.

Тюремный чиновник в ответ только отрицательно покачал головой и бросил несколько слов.

– Мы к вам никого не допустим, – услышал он слова переводчика.

– Дайте мне бумагу и ручку. Я напишу письмо послу и протест королеве в знак нарушения моих прав, избиения и незаконного задержания.

– Господин Глухов, вы являетесь государственным преступником, и потому вас арестовали.

Тюремщик повернулся и вышел из камеры. Следом за ним за порог шагнул переводчик.

...Однако минут через пятнадцать надсмотрщик принес в камеру допотопную чернильницу, ручку и бумагу.

Глухов написал письмо на имя посла о том, что без предъявления постановления схвачен, избит и насильственно доставлен в тюрьму.

«Обвиняетесь в шпионаже...»

Письмо унесли, и вновь наступила тишина. Однако она продлилась недолго. Лязгнули запоры, и тюремщик махнул рукой: «Выходите!»

Его повели длинным коридором – камеры слева, камеры справа. В конце коридора – комната, тюремная каптерка. На полках арестантская полосатая одежда.

– Переодевайтесь, – скомандовали.

Владимир Алексеевич оглядел себя с ног до головы. Видок у него был не очень. Грязные, помятые брюки, разорванная рубашка в кровавых подтеках. Что говорить, для генпредставителя советской компании вид далеко не презентабельный. Пусть так, решил Глухов, но я не преступник и полосатую одежду не надену.

– Нет, – ответил он, – разве что на мертвого на меня натянете.

Но тюремщики были настроены решительно, тут же бросились на него, пытаясь переодеть силой. То ли они не разглядели ран и синяков своих коллег из контрразведки, то ли родные, тюремные стены вселяли в них уверенность. Правда, уже первый, самый шустрый, получил удар такой силы, что отлетел к противоположной двери, остальные остановились в нерешительности.

Обстановку разрядил начальник тюрьмы. Он бежал по коридору и орал благим матом, чтобы русского оставили в покое и в его же одежде.

Глухова вновь провели коридором и впихнули в камеру. Этот непредсказуемый «рашен» начинал их порядком раздражать.

Опять залитая ярким, слепящим светом камера, табурет и кровать из неструганых досок, все те же вопросы, на которые у него не было ответов.

Но в этот раз ему размышлять наедине пришлось недолго. Опять лязгнул ключ в двери, и на пороге вырос тюремщик.

– Пошли, – махнул он головой.

«Вот теперь, судя по всему, на допрос», – догадался Глухов. Он не ошибся. В комнате, куда его привели, полукругом сидели пять человек. Владимир Алексеевич узнал только одного, переводчика, другие были ему незнакомы.

Первым заговорил сидящий в центре сухощавый, слегка сутулый мужчина. Лицо у него было вытянутое, худое, щеки впалые.

Глухов усмехнулся про себя: «Что ж они следователей не кормят? А ведь благополучная вполне страна».

Он глядел на «сухощавого» и не мог освободиться от мысли, что где-то видел уже этого человека. Только где?

– На каком языке будете отвечать на вопросы следователей? – долетел до него голос переводчика. – Вы поняли вопрос, господин Глухов?

– Понял. На родном, русском языке, разумеется...

– Ваша фамилия, имя, должность. Чем занимаетесь в Голландии?

Теперь уже спрашивал следователь слева, молодой черноволосый мужчина, совсем юноша, больше похожий на итальянца, чем на голландца.

– Глухов Владимир Алексеевич. Генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии...

Когда закончились анкетные вопросы, со стула справа встал третий следователь. Он поднес к лицу Глухова фотографию.

– Вы знаете этого человека?

С фото на него смотрел улыбающийся Джек.

– Да, я знаком с ним, это Джек Лоджин, специалист по авиации.

– А откуда вы его знаете?

– Думаю, вам известно, господа, что я тоже имею некоторое отношение к авиации.

– Конкретнее... Где вы с ним познакомились?

– Он консультировал меня и мою компанию по вопросу строительства высоковольтных линий электропередачи с помощью вертолетов.

Следователи угрюмо глядели на арестанта.

– Это просто проверить. По этому поводу мы проводили большую работу, кстати говоря, взаимовыгодную, как для моей страны, так и для Голландии.

«Сухощавый» криво усмехнулся.

– В частности, с господином Клейбом я летал в Москву, где как раз и обсуждался этот вопрос.

– Прекратите, – визгливо прервал Глухов черноволосый юноша слева, – вы не сотрудничали, вы вербовали Джека Лоджина, склоняли его к измене Родине.

– Ну если так, – как можно спокойнее ответил Владимир Алексеевич, – то я отказываюсь с вами говорить. Вы получили мои протесты? Получили. Значит, я буду отвечать на вопросы только в присутствии консула или адвоката, назначенного советской стороной.

Глухов видел, как «сухощавый» метнул огненный взгляд в сторону несдержанного молодого коллеги.

Теперь они все вместе, с разных сторон старались задавать разные вопросы, чтобы разговорить его, но Глухов молчал. Прошло десять минут, пятнадцать, полчаса. Владимир Алексеевич не произнес ни слова. «Сухощавый» разочарованно махнул рукой и скомандовал:

– Уведите!..

В камере Глухов прилег на деревянный настил кровати. Теперь по крайней мере хоть кое-что прояснилось: судя по всему, они взяли Лоджина.

Ну что ж, Джек знает как себя вести. Лоджин, Лоджин... Он вспомнил их первую встречу. Для Джека она и вправду была первой, а вот для Глухова только этапной. Владимир Алексеевич долго изучал этого человека. Крупный специалист в авиации, владелец аэроклуба, эксперт нескольких крупных компаний. Как подступиться к нему? Представить их друг другу было некому, и тогда он, взвесив все «за» и «против», решил действовать напрямую. В конце концов могли они встретиться как коллеги, люди, увлеченные небом и самолетами. Тем более что Владимир Алексеевич решил представиться исследователем, который писал диссертацию по проблемам усталости самолетов. Это была, конечно, легенда. Никакой диссертации он не писал, хотя этой темой занимался давно и мог вполне компетентно вести беседу со специалистом любого уровня.

В ходе изучения Лоджина Глухов выяснил, что у Джека большая научная библиотека. Это было тоже кстати. Он и решил попросить воспользоваться некоторой литературой.

Первая поездка была неудачной, секретарь Джека сказала, что босс придет домой часа через два-три. Пришлось заехать попозже. На этот раз хозяин оказался дома. Он вышел к гостю, приветливо улыбаясь, поздоровался, пригласил присесть.

Глухов представился. Лоджин немало удивился неожиданному гостю.

– Откуда вы узнали обо мне?

– Ну что вы, господин Лоджин, – теперь расплываться в улыбке и раскатываться в комплиментах пришло время Глухову, – вы известный в стране человек. Многие мои знакомые рекомендовали вас. Мне очень близки ваши научные исследования. Я, как и вы, давно занимаюсь проблемой усталости самолетов, работаю над диссертацией.

– О! – произнес Джек, и в его глазах вспыхнули искорки. – Это серьезная тема, мистер Глухов.

Владимир Алексеевич все рассчитал точно. Лоджин, как ученый и специалист, не мог не откликнуться на призыв коллеги из Советского Союза. Он пообещал помочь материалами, литературой. Тем более что его фирма официально занималась консультированием авиационных специалистов. Разумеется, не бесплатно.

Глухов уточнил, что готов платить наличными. «Можно, конечно, и через банк, на счет вашей фирмы, – улыбнулся он, – но я же понимаю, налоги...»

Лоджин ответил кивком головы, мол, правильно понимаете, и добавил: «Лучше наличными».

Перед расставанием Джек извинился и сказал:

– Мистер Глухов, у нас тут отношение к русским не самое теплое, так что лучше заранее назначать встречи, а секретаршу я буду отсылать.

Это была маленькая победа. Лоджин уже понимал конспиративность встреч, а главное, согласился на оплату. Правда, неясно пока, за что платить и какие материалы он предложит. Но не стоило торопить события. Важно, что первый шаг по установлению личных контактов сделан. И его можно оценить как успешный.

Владимир Алексеевич вспомнил фотографию Лоджина в руках следователя и с тревогой подумал, что Джек, возможно, сидит в подобной камере, и его так же допрашивают следователи. Но легенду он расскажет ту же. Да, с генпредставителем «Аэрофлота» знаком, работали над проблемой совместного строительства высоковольтной линии в Голландии с помощью советских тяжелых вертолетов. Тем более что в СССР к тому времени был накоплен серьезный опыт по возведению ЛЭП таким способом.

Легенда железная, к тому же такие переговоры между нашими и голландцами действительно велись, и в них активное участие принимал он, Владимир Глухов. «Так что хрен они меня расколют».

Болели бока от настила из неструганых, горбатых досок, но усталость, нервное напряжение делали свое дело. Он проваливался в тяжелую дремоту, и рядом с ним вновь появлялись следователи, и один из них сердито совал ему в лицо фото Джека, опять по коридору бежал начальник тюрьмы и махал руками, а жена, его бедная жена, лежала неподвижно на асфальте.

Он испуганно просыпался. Холодный липкий пот покрывал лоб, тюремный свет, словно локатор, резал глаза.

Владимир Алексеевич тяжело ворочался и вновь проваливался в бездну тревожного, нервного сна.

Так прошла его первая ночь в голландской тюрьме.

Утром к нему приехал советский консул. О чем они могли говорить под прицелом микрофонов прослушек? Только общие фразы.

– Как чувствуете себя, Владимир Алексеевич? – спрашивал консул.

– Да хреново, откровенно говоря. Видите, какие тут условия, – отвечал он, взглядом окидывая камеру. – Давление подскочило. Но я написал протесты.

– Мы тоже через МИД послали запрос. Так что держитесь, Владимир Алексеевич, – напутствовал консул.

А что ему оставалось, кроме как держаться и бороться!

После ухода консула Глухова опять потащили на допрос. Опять тот же круг, те же физиономии, «сухощавый», как прозвал он старшего, «итальянец» – молодой, чернявый, и просто «третий и четвертый».

Начал «сухощавый». Прошамкал что-то неразборчиво провалами щек.

– Ваши требования выполнены, консул посетил вас, мистер Глухов, теперь вы будете говорить?

– Спрашивайте...

– Вернемся к вашим отношениям с Джеком Лоджином...

– Да я, пожалуй, все сказал в прошлый раз. Ах, нет, забыл добавить, что за совместную плодотворную работу в знак благодарности я подарил ему бутылку коньяка. Хорошего коньяка.

– А вы что-то рассказывали об установке электрических мачт в Голландии?

«Н-да, – подумал про себя Глухов, глядя в лицо следователя, – зря ты меня спросил об этом. Я сейчас прочитаю такую лекцию, что у вас, ребята, мозги вскипят, назову столько голландцев, что вы задолбаетесь, пыль глотая, проверять их всех. А все они знают меня и подтвердят сказанное».

– Итак, господа, энергетиками вашей страны разработан проект возведения высоковольтной линии электропередачи через всю страну с юга на север. Но поскольку местность у вас пересеченная, лучше всего для проведения этих работ использовать тяжелые вертолеты. Такие вертолеты есть в нашей стране, и мы уже не один год с их помощью устанавливаем мачты электропередачи, например в горах, на сильно пересеченной местности.

Голландские энергетики заинтересовались советским опытом. По этому вопросу я встречался со следующими голландскими специалистами...

И он стал перечислять голландцев, с кем общался, был хорошо знаком или просто запомнил их имена и фамилии на каких-либо встречах. Получился внушительный список.

Следователи слушали Глухова с кислыми физиономиями. Они хотели услышать совсем другое. А Владимир Алексеевич рассказывал, как возил в Советский Союз голландца из Маастрихта, представлял его министру гражданской авиации СССР.

По ходу вспомнилось, как в аэропорту Шереметьево угостил голландца коньяком. По-русски угостил. Разлил бутылку на двоих по стаканам, сказал небольшой тост за дружбу и сотрудничество Советского Союза и Голландии, выпил. Глядя на него удивленными глазами, «хлопнул» свою долю и голландец. Только слабаком он оказался. В Ленинграде, почитай, выносить его пришлось из самолета.

Однако про слабака-голландца ничего не сказал следователям Глухов. А вот о полете в Ленинград доложил подробно и в деталях.

«Сухощавый» во время его лекции все поглядывал на часы. То ли знак хотел подать Владимиру Алексеевичу, чтобы заканчивал, то ли спешил куда-то. Часы у Глухова отобрали при аресте, но по его ощущениям говорил он не меньше часа.

– Мистер Глухов, – нетерпеливо прервал его «итальянец», – давайте вернемся к делу. Как вы завербовали Джека Лоджина?

– А я вам битый час рассказываю о деле.

И он обратился к переводчику.

– Может, они не поняли, что я сказал? Вы переводили?

– Да, переводил.

– На какой язык?

– На голландский.

– А они знают голландский язык?

Переводчик растерянно оглядел следователей и пересказал им диалог.

«Сухощавый» побагровел.

– Отвечайте, Глухов, на заданный вопрос. Напоминаю, вы государственный преступник, обвиняетесь в шпионаже против Голландии.

– А меня уже осудил голландский суд?

– Пока нет.

– Ну вот, а вы меня уж записали в государственные преступники, господа следователи. Я протестую против произвола голландских властей и объявляю голодовку. Говорить отказываюсь.

В этот день на допрос его больше не вызывали.

За мужество и стойкость

Утром он отказался от завтрака, хотя зверски хотел есть. Чтобы заглушить голод, решил побить любимую чечетку.

Вообще, попав в тюрьму, в первый же день он поставил себе цель – бороться до конца. Тут сомнений не было. И все же, все же... Откуда-то неожиданно, помимо его воли, возникла та самая цыганка, которую он никогда не видел, а знал только по рассказу жены. Цыганка шептала на ухо про пять лет тюрьмы, и Владимир Алексеевич ловил себя на вопросе: что он будет делать здесь, в этих четырех стенах, все пять лет?

Полезли в голову обрывки из прочитанных некогда книг про то, как в тюрьме сидел Ленин, как он занимался физическими упражнениями. Ну, упражнения само собой, а вот чечетка?... Надо попробовать...

Он увлекался танцами давно, а примерно год назад решил освоить чечетку. Времени там, на свободе, на ее освоение, откровенно говоря, оставалось немного. А тут бей хоть с утра до вечера, с перерывами на допросы.

Он стучал ботинками по бетонному полу камеры, а в голове, словно заезженная пластинка, крутился вопрос: «Что дальше?» Судя по всему, ни черта у «контриков» не было на него. Подозревать – подозревали, вот и схватили, авось расколом.

Расколоть не удалось. И не удастся.

Чечетка на голодный желудок шла плохо. Подкатывала тошнота, колотилось сердце. Он опустил на кровать. Скоро должны были прийти тюремщики и увести его на допрос. Что-то они сегодня придумают, какую гадость?

Однако ничего нового следователи придумать не смогли. Шли обычные вопросы про того же Лоджина, про вербовку...

Владимир Алексеевич все смотрел на «сухощавого» и пытался вспомнить, где он мог его видеть. На приеме в советском посольстве? Нет. Откуда там быть «сухощавому»? На встрече в министерстве транспорта? Ха, сам улыбнулся собственной неудачной шутке. Что там делать следователю-«контрику»? Выходит, негде им было пересечься. Тогда откуда такое чувство, якобы виделись, встречались. Наверное, ошибся... Но он редко ошибался: порукой тому свойство памяти – схватывать лица намертво.

И вдруг его осенило: «Старшина!.. Это же вылитый старшина Глущенко! Ну как же он мог забыть? Надень на “сухощавого” выцветшую фронтовую гимнастерку – и, что называется, одно лицо».

Да уж, если бы не старшина Глущенко, неизвестно, когда бы он попал на фронт. Может, так и отсиживался бы в запасной учебной эскадрилье. Не ожидал он тогда, что угодит в тыл. В девятом-то классе районный военком его отправил домой, а через год, в 1942-м, вспомнил, направил на авиационно-технические курсы усовершенствования имени К. Ворошилова. Назывались они ленинградскими, хотя квартировали под Магнитогорском в землянках. Сюда из города на Неве была эвакуирована авиационная техника, построены цеха. Тут и занимались курсанты, осваивали профессию авиационного техника.

Учился он хорошо, курсы окончил с отличием, думал, по окончании направят на фронт как лучшего, но просчитался. Направили в далекий тыл, в Подмосковье, на станцию Соколовская, в запасную эскадрилью.

Он не смирился. Пригляделся. Разобрался в обстановке. Оказывается, самолеты с 30-го авиационного завода, где их производили, перегоняли к ним. Здесь делали облет часов по 5–6, доводили, последние штрихи, что называется, накладывали – и на фронт. Вместе с летчиками, забиравшими самолеты, улетали на фронт и их ребята, техники.

Рассчитывал и он улететь, да не тут-то было. Отодвигали почему-то его. Ну, набрался смелости и пошел к инженеру отряда Осинцеву. Доложил – старший сержант Глухов. На фронт хочу, а меня не посылают.

Инженер отряда не моргнув глазом ответил: «Правильно делают. Это я приказал. Нам, Глухов, и самим такие люди нужны. Молодые, грамотные. Понял?»

Понял. Чего ж тут неясного. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Однако судьба, видать, тоже была не согласна с таким распределением ролей. Вскоре она дала шанс Владимиру.

А случилось это так. Сослуживец Глухова, тоже авиационный техник, Малышев отправлялся на фронт. Его уже зачислили в боевую группу, и он уехал домой, чтобы попрощаться с родителями. Ехать было недалеко, но, поди ж ты, случилась неприятность – его задержала военная комендатура и укатала на гауптвахту.

Словом, время к отъезду, а Малышева нет. Глухов почувствовал, что скоро будут искать замену, и напрямик рванул к старшине Глущенко: мол, включите меня в группу. Старшина надул впалые щеки и спросил: «А что я буду иметь?»

К счастью, Владимир Алексеевич собрал из своей скромной 40-рублевой зарплаты техника целую тысячу, да еще ремень кожаный, командирский, подаренный братом, в нагрузку выложил.

Глущенко согласился. Повезло Глухову еще и потому, что в этот день инженер отряда находился в отъезде. В общем, быстро оформили документы, и в составе боевой группы он убыл на фронт.

Весной 1944 года техник Владимир Глухов уже находился в составе 567-го штурмового авиационного полка, который располагался тогда в Полтавской области, недалеко от знаменитого гоголевского Миргорода.

...Владимир Алексеевич еще раз оглядел «сухощавого». Что тут скажешь, похож...

– Вы слышите, мистер Глухов, – откуда-то словно издалека долетел до него голос переводчика, – вам ясен вопрос?

– Вопрос ясен, но отвечать я на него не стану.

На этом закончился очередной допрос.

А ночью ему приснился Леня Шпончиков, его фронтовой командир звена. Он что-то говорил Глухову, но Владимир Алексеевич никак не мог разобрать слов. Мешал шум, то ли от винтов самолета, то ли от артиллерийской канонады. И тогда Шпончиков указал ему на место стрелка. Глухов наконец понял: комэска брал его с собой в полет. О, какое это было счастье!

Владимир долго уговаривал лейтенанта, не раз представлял себе, как ловит он в прицел пулемета ненавистного фашиста, нажимает на гашетки и огненные пунктиры достают вражеский самолет, тот начинает дымить, кренится и сваливается в штопор. И горит, горит, уходя к земле.

Однако мечты его никак не могли осуществиться. Комэска Шпончиков был непреклонен, он наотрез отказывался взять с собой в боевой полет техника старшего сержанта Глухова.

Откровенно говоря, Владимир, случалось, терял надежду на осуществление мечты. И вот неожиданно Шпончиков смиростивился и теперь кричал ему на ухо.

– Володя, давай шустрее, занимай место стрелка.

Глухов почти не помнит, как они взлетели, прошли низко над землей. Его еще поразило: там, внизу, разбитые дома, горящие кварталы города. Такое впечатление, что горело все вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.